ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК
ДИАНА УДОВИЧЕНКО
ИСТОРИЯ БАСТАРДА.
РЕКВИЕМ
ПО ИМПЕРИИ

Диана Д. Удовиченко

Реквием по империи

Серия «История бастарда», книга 4

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=597095
История бастарда. Реквием по империи: Альфа-книга; Москва; 2010
ISBN 978-5-9922-0723-1

Аннотация

Некроманты Андастана вторглись в твою страну и неумолимо движутся к столице, уничтожая на своем пути все живое, превращая людей в тупых покорных носферату. Сама смерть пришла в империю, и нет таких сил, которые смогли бы справиться с нею. Извечный соперник Галатона – Паргания – утопает в крови под гул боевых орочьих барабанов. В приграничной крепости Хаардейл умирают от голода последние эльфы. А в распахнутых безумным чародеем вратах бездны беснуются, вырываясь на свободу, уродливые твари. Никогда еще Амата не была так близка к гибели. И снова ты принимаешь на свои плечи всю тяжесть ответственности за чужие судьбы, пытаясь сделать то, что не под силу ни смертным, ни богам, ни демонам. Снова сражаешься, чтобы спасти этот мир. Только вот кто спасет мир от тебя?

Содержание

* * * 5
Конец ознакомительного фрагмента. 166

Диана Удовиченко
Реквием по империи

Цикл «История бастарда» завершен, и я благодарю всех, кто так или иначе мне в этом помогал.

Сына Максима за то, что он всегда – мой самый первый читатель, самый строгий критик, самый главный советчик и вдохновитель.

Мужа Виктора – за любовь, терпение и понимание.

Лучшую подругу Светлану Антохину и ее маму Нину Сергеевну – за поддержку, любовь к этому циклу и неистребимую веру в мои возможности.

Друзей: писателя Александра Гурова – за помощь в разработке батальных сцен и писателя Алексея Глушановского – за «подаренную» идею проклятия.

Читателя Евгения Бондаря из Киева – за долгие споры, в которых рождалась истина.

Подруг: писателей Марию Куприянову, Анну Тьму и Галину Ли – за то, что всегда были рядом и поддерживали меня.

Отдельная благодарность двум добрым волшебникам – редактору Виктору Еремину и художнику Вячеславу Федорову. Спасибо за то, что дарите моим книгам частицу своей души!

Автор

* * *

Каким он был, мой друг лорд Рик Сайваар, герцог Марслейн? Добрым. Честным. Справедливым. Не боящимся брать на себя ответственность за других людей. И я готов бросить вызов каждому, кто осмелится усомниться в правдивости моих слов. Сегодня досужая молва приписывает ему немало злодейств, жестокостей и преступлений. Его называют тираном, убийцей, предателем. Находятся даже те, кто обвиняет Рика Сайваара в смерти Ридрига Второго, войне и развале империи. Что ж, таков удел любого человека, сумевшего подняться над толпой, сделать в жизни нечто настолько огромное, что оно не поддается убогому пониманию обывателя. Разве посмели бы те, кто сейчас с упоением сплетничает о бывшем Верховном маге, выдумывая истории одна страшнее другой, сказать такое, когда он был с нами? Сказать, глядя ему прямо в глаза? Нет. Зато как же легко теперь они, сохранившие свою ничтожную жизнь благодаря его жертве, существующие взаймы, швыряют комок грязи в спину уходящему.

Никто не имеет права судить его. Но я имею право рассказывать о нем. Потому что все это время был рядом, делил радость и горе. Пробирался сквозь джунгли и умирал в песках Пустыни призраков, сражался с врагами и хоронил друзей, шел к неведомому Зеленому сердцу, горел на костре

храмовников… Я знал его еще до перерождения. И я расскажу правду.

Жестокий и немилосердный, говорите вы? Холодный и бесчувственный? А знаете ли вы, что это такое – перестать быть человеком? Носить в себе неведомую силу, которая вопреки вашей воле преображает душу и сознание? Понимать, что изменяешься, но не знать, кем станешь в результате этого изменения? Монстром? Богом? Изо дня в день, каждую минуту, каждое мгновение сражаться с захватывающей тебя сущностью, чудовищным усилием удерживая в себе последние искры того неуловимого огонька, который называется человечностью. Нет, вы не знаете. А я знаю. Я сам прошел через это.

(Из книги «Жизнь Рика Сайваара: мифы и правда», написанной профессором кафедры некромантии Виндорского магического университета графом Дрианном Летаксом)

* * *

Кто я? Забавный вопрос. Я рассмеялся бы, если бы сохранил такую способность. Кто я… Высшее существо – сильное, мудрое, почти всемогущее. Изначальный. Имя? Оно мне не нужно. Нет, вы не ошиблись: я – тот, кого раньше называли лордом Сайвааром, герцогом Марслейн. А еще раньше – Риком-бастардом.

Как? Вы хотите знать, что было дальше? Просите, что-

бы я рассказал? Вот сейчас, именно сейчас, когда в моих руках… это действительно смешно. А впрочем… Быть может, воспоминания о прошлой жизни заставят меня отсрочить неизбежное? И в конце концов, вы так долго следили за моими приключениями, что было бы несправедливым лишить вас возможности узнать конец этой длинной, запутанной истории. Решено. Ради вас я еще немного побуду человеком, окрашивая свое повествование тем многоцветьем чувств, переживаний и ощущений, которых я сейчас лишен. Чтобы вы поняли. Или попытались понять. Сейчас… Нет-нет, не пугайтесь за меня. Эта боль не физическая. Просто возвращаться назад становится все труднее, а единственным чувством, доступным для меня, остается гнев. Теперь я снова Рик, пусть и ненадолго. Как же это хорошо и одновременно грустно – опять окунуться в мир людей. Итак…

Сначала в двух словах напомню о последних событиях. Мало ли, вдруг кто-нибудь из вас уже подзабыл обо всех перипетиях моей беспокойной жизни. Или накануне повстречался с добрыми друзьями, на радостях несколько переусердствовал с рамсом и теперь с трудом воспринимает не только мой рассказ, но и свои собственные реалии. Такое тоже бывает. Вот я в свое время… эх! Ну да не об этом речь.

Мы победили. Склонили на свою сторону народ и дворянство, с триумфом вошли во дворец, выбили из Дома Совета мятежных магов. Вериллий скрылся в неизвестном направлении, Дарианна стала императрицей, я – Верховным магом,

а мои друзья были назначены на важные посты. Но победа стоила жизни многим достойным людям. Скончался Ридриг Второй. Погиб предводитель повстанцев лорд Глейнор, во время штурма Совета были убиты Грациус и Дживайн, Александриус пал в схватке с тварями бездны. А сколько погибло простых ремесленников, моряков, воинов – сейчас трудно сосчитать. Да возродятся они в счастливое время…

Казалось бы, после всего этого безумия в стране должен был воцариться порядок, тем более что мы делали для этого все возможное. Но нет. На Галатон обрушивались все новые беды. И виновником их был Вериллий со своим открытием! Неуемный маг умудрился расшифровать древнеорочьи таблицы с заклинаниями, управляющими богами бездны. Заодно он разгадал тайну Ридрига Первого. Вы никогда не задумывались о том, что исследование загадок прошлых поколений – штука неоднозначная и опасная? Ведь если предки тщательно спрятали от нас какие-то знания, значит, у них имелись на то свои причины, правда? Не из вредности же они это сделали? Так что совет всем любителям исторических открытий – прежде чем лезть в запечатанные пещеры и старинные библиотеки, рыться в древних манускриптах, изучать мертвые языки и потом читать написанные на них книги, подумайте: что выпустит в мир ваша любознательность?

Первой жертвой стал Аллирил – государство эльфов: освобожденный из бездны Зеленый огонь пожрал в эльфийском лесу все живое. Не знаю, по желанию Вериллия или

же из-за его просчетов, но сущности бездны пытались прорваться и в Виндор. Пока нам удавалось с ними справляться, но я был уверен: эти монстры – лишь крохотная часть того, что крылось за полотном междумирья и могло в любой момент обрушиться на всю нашу беззащитную Амату.

Скажите: разве этого было мало? Но нет, боги как будто задались целью выплеснуть на наши головы все мыслимые лишения. И особенно они изощрялись, придумывая испытания для вашего покорного слуги. Как и предрекал в Зеленом сердце изначальный Райл, моя сущность постепенно избавлялась от человеческих покровов. Я терял второй покров, означавший людскую мораль, и иногда вдруг превращался в холодное существо, не знающее ни любви, ни жалости, мыслящее какими-то совершенно иными категориями и руководствующееся высшими интересами. И я не мог управлять этим процессом, не мог остановить его. А тут еще проклятие матери Лауриты, которая перед смертью предрекла нам с Дарианной лишь боль и страдания.

Все сошлось на одном: мне необходимо было найти своего отца и остановить его любой ценой. Иначе все наши усилия по наведению порядка в империи становились тролльим трудом. Загвоздка была в том, что я понятия не имел, с чего начать поиски. И помочь мне не мог никто. Но тут вмешался случай. Оказалось, Вериллий скрывался в храме Аттаны. Прятала мятежного волшебника его любовница, Старшая жрица Евлалия. Не стану подробно излагать обстоятель-

ства, предшествовавшие нашей встрече, скажу только, что произошла она в день праздничного богослужения, когда вокруг храма собрался весь Виндор. И только благодаря Лютому, по-военному четко организовавшему отход народа и спасшему императрицу, этот день не стал последним для всех горожан.

Это была страшная битва. Мы оба с Вериллием обезумели и позволили нашим силам вырваться наружу, что привело к огромным потерям. Половина Виндора превратилась в залитые кровью развалины. Я был готов уничтожить Вериллия, но по дикой случайности это сделал мой брат. Из нас двоих отцеубийцей стал он. И был счастлив, отомстив за смерть матери – эльфийской принцессы Кай'Анилаир. Я же неожиданно ощутил боль потери. И это стало последним, что я почувствовал в тот напоенный смертью день.

* * *

– Держись, брат. Сейчас. Все будет хорошо. Мы выберемся, – приговаривал Лютый, взвалив меня на плечо и карабкаясь вверх по склону воронкообразной ямы.

Как мог, я помогал Ому: перебирал ногами, стараясь не перекладывать на него целиком вес своего тела. Но сил не было. Даже те жалкие остатки энергии, благодаря которым я все еще двигался, стремительно оставляли меня, словно просачивались сквозь поры и растворялись в воздухе. Сла-

бость делала ватными руки и ноги, давила на грудь, заставляла веки смыкаться.

– Ничего, – бормотал Лютый, – ничего. Ты, главное, не засыпай. Не спи, брат! Потерпи еще чуть-чуть…

Я очень старался. Приказывал сознанию работать, из последних сил таращил глаза, которые так и норовили закрыться, с трудом переставлял заплетающиеся ноги. На меня навалилась странная апатия: больше не было жалости к Вериллию, огромное количество смертей не приводило в ужас, даже тревога за Дарианну и друзей словно отступила, скрылась за чудовищной усталостью.

С небом тоже творилось что-то неладное. Солнце, едва пробившись сквозь образованную пылью и пеплом мглу, вдруг скрылось за черными тучами. Воздух сделался тяжелым и липким, небо разразилось дождем – теплым, противным, ничуть не освежающим. Сначала это были крупные ленивые капли, потом – тонкие струи, вскоре же на нас излился настоящий поток.

Земля быстро превратилась в жидкую и чрезвычайно скользкую грязь, карабкаться по которой было невозможно, на дне воронки заплескалась мутная вода. Мы с Лютым шлепнулись на четвереньки.

– Поползли, братишка? – невесело усмехнулся Ом, придерживая меня за шиворот и не давая съехать вниз.

– Поползли, – зевнул я, испытывая невероятное желание улечься и уснуть прямо здесь, посреди грязи, обломков и

трупов.

Руки погружались в черную жижу до самого запястья, колени беспомощно елозили по скользкой поверхности. Мы стали подниматься в несколько раз медленнее. Да что там медленнее! Просто, можно сказать, не двигались с места, а то и становились все дальше от вожделенной поверхности. Клятая белая мантия, пропитавшись водой, прилипла к телу, путалась вокруг ног, мешая двигаться. Я кое-как стащил ее с себя, отшвырнул, оставшись в рубахе и штанах. Стало немного легче. Мы прикладывали чудовищные усилия, чтобы выбраться: хватались за обломки камней, цеплялись за торчащие из земли корни, но, едва продвинувшись вверх на один дайм, тут же съезжали вниз на два.

– Сюда, Рик, – пропыхтел Ом, держась за толстую ветку дуба, почему-то торчавшую из земли.

Я подполз к брату, схватил протянутую мне руку, засучил ногами по грязи и подтянул вверх свое непослушное тело.

– Передохнём, – предложил Лютый. – Вроде немного оста-а-а…

Я даже не успел понять, что произошло. Кувыркаясь и ударяясь о камни, мы стремительно съехали вниз и оказались на самом дне воронки, по шею в теплой воде. Впереди опять был бесконечный склон, который вновь предстояло штурмовать, а сил становилось все меньше. Ноги увязали в месиве из глины и земли.

– Воистину дерьмо не тонет, – пробурчал Лютый, глядя

куда-то мне за спину.

Я оглянулся: мимо проплывал бесформенный ком пенистой слизи, в которую превратилось тело Вериллия.

– Послушай, – медленно, старательно ворочая во рту сделавшийся непослушным от усталости язык, проговорил я: – Оставь меня тут. Выбирайся сам и возвращайся с подмогой.

– Не говори ерунды! Ты уснешь и захлебнешься. Вместе выберемся.

– Со мной тебе не подняться.

– Я что-нибудь придумаю, – упрямо нахмурился Лютый. Задумчиво взглянул на ту самую ветку-предательницу, которую все еще сжимал в руке, словно собирался вручить кому-то вместо букета, отшвырнул ее и злобно выругался: – Гнилой выкидыш Брижитты! – Тут вдруг его лицо просветлело. – Брижитта! Ну, конечно, как я раньше не сообразил. Подожди…

Ом приложил обе ладони к земле, и взгляд его сделался сосредоточенно-отрешенным. Несколько мгновений спустя склон перед нами ощетинился пробивающимися корнями. Во все стороны выстреливали комья мокрой земли, и вслед за ними наружу вылезали извивающиеся побеги. Они утолщались, удлинялись, переплетались друг с другом.

– Ну вот и лестница, – бодро прокомментировал Лютый и, словно оправдываясь, добавил: – Не привык еще к своим возможностям, вот и забываю…

Повинуясь движению его пальцев, нижние корни потяну-

лись к нам. Мощное щупальце обхватило меня за пояс и с силой дернуло вверх. Раздался громкий чмок, и я вознесся над водой, рассеянно отметив про себя, что сапоги так и остались в болоте. Рядом так же выдернуло Ома. Корни ловко передали нас растущим выше хищно извивающимся отросткам. Двигаться почти не пришлось. Мы только придерживались за необычных спасителей, которые, не очень церемонясь и не учитывая человеческую физиологию, все время норовили перевернуть нас вниз головами. Наконец последние, самые длинные и толстые корни, растущие на краю воронки, упруго раскачались, размахнулись и сработали на манер катапульт, отшвырнув нас на несколько шагов от ямы.

Глубокая лужа смягчила удар о землю, но и этого мне хватило, чтобы потерять последние силы. Глаза закрылись сами собой, и я погрузился то ли в глубокий сон, то ли в полуобморок. Краешком ускользающего сознания понял, что меня поднимают и куда-то несут. Сквозь толщу дурманящей пелены, мягким одеялом окутавшей разум, я улавливал слова Лютого:

– Извини, брат, не сразу сообразил, что делать. Никак не могу привыкнуть к этим своим новым способностям. Ничего, главное, выбрались, спасибо моей гадской бабушке…

Потом меня уложили на что-то твердое, и мир вокруг перестал существовать…

– Просыпайся, лейтенант!

Просыпаться я не желал. О чем заявил совершенно без-

апелляционно, послав говорившего по сложному, извилистому маршруту до самого мрака. После чего перевернулся на другой бок, намереваясь отдыхать столько, сколько захочется. Не тут-то было – на плечо легла могучая длань, встряхнула меня, а в ухо проорали:

– Подъем, лейтенант! Хватит ночевать!!!

Я вскочил, вслух давая нелестные характеристики разбудившему меня сыну гор и призывая на его голову всевозможные кары лужьи.

– Раз так ругаешься, значит, жить будешь, – раздался над головой насмешливый голос Ома. – Идти-то сможешь?

Я протер глаза. Передо мной стояли Лютый и мастер Триммлер, державшие в руках какие-то узелки. Вид у обоих был неважный: грязные, уставшие, измученные. Лицо и одежду Лютого покрывали пятна сажи, волосы слиплись и висели неопрятными сосульками. Гном выглядел постаревшим на добрый десяток лет: под глазами залегли тени, уголки губ скорбно опустились. Верхние пуговицы на камзоле вырваны с мясом, истерзанная рубаха под ним расходилась, открывая тугую, с проступающими пятнами крови, повязку на груди. На лбу мастера Триммлера наливался огромный черный желвак, кожа на котором была рассечена. И еще что-то в его лице было не так, только я не мог сообразить, что именно.

– Ты сможешь идти? – повторил Лютый.

Я встал, пошевелил руками, потянулся, переступил с ноги

на ногу, даже сделал пару приседаний и заключил:

– Смогу.

Обращенные ко мне пристальные взгляды просветлели, угрюмые лица на миг осветились радостью.

– Слава Лугу, хоть с лейтенантом все в порядке, – выдохнул гном.

Чувствовал я себя вполне нормально, только вот желудок болезненно сжимался от сильного голода. Для поддержания энергии требовалась пища. Много пищи… Едва подумав о еде, я ощутил легкое головокружение. Ом понимающе кивнул:

– На вот, мы принесли…

Брат поставил на каменную плиту, служившую мне постелью, матерчатый узелок, развернул его. Внутри оказалась краюха хлеба, аппетитный ломоть копченого мяса, несколько луковиц и бутыль вина.

– Ешь.

Я не заставил его повторять дважды и принялся истово набивать рот. Утолив первый голод, вспомнил о приличиях:

– А вы?

– Мы сыты.

– Вернее, кусок в горло не идет, – мрачно проговорил мастер Триммлер. – А вот вина я бы глотнул. За твое чудесное избавление.

Я пустил по кругу бутыль с кислым розовым напитком и завертел головой, пытаясь сообразить, где же мы находимся.

Мысли путались, я все еще не совсем понимал, как здесь оказался, и не мог толком вспомнить, что этому предшествовало. Маленькое, не больше пяти шагов в длину и пяти в ширину, низкое полутемное помещение без окон. Свет попадал в него через круглое отверстие в потолке. Стены и пол были сложены из прямоугольных цельных кусков серого мрамора. Никакой мебели в странном помещении не имелось – лишь накрытый каменной плитой предмет, напоминавший…

– Ну да, это склеп в часовне благочестивой Мартины, – невозмутимо сказал Лютый. – А спал ты на ее мощах.

Я едва не подавился последним куском мяса и поспешно соскочил с места упокоения добродетельной жрицы. Не то чтобы я был так уж богобоязнен, но негоже нарушать уединение мертвых…

– Да не суетись ты! – усмехнулся Ом. – Ни одного здания вокруг храма Ат-таны не уцелело, здешняя часовня – и та разрушена. А внизу, в склепе, тихо и сухо. Я сдвинул плиту и спустил тебя сюда. Тебе нужен был отдых, а Мартина простит.

– Да уж, по сравнению с тем, что творится наверху, здесь просто благодать, – вздохнул гном.

Вдруг память, вернувшись, в одно мгновение обрушила на меня весь кошмар того дня. Перед мысленным взором замелькали картины: храм Ат-таны… нарядная толпа, предвкушающая праздничное угощение… торжественная служба… пляшущий безумный Вериллий… убегающие

люди… жестокая схватка… разрушенные здания, разорванные тела… и, наконец, Лютый, хладнокровно нажимающий на крючок арбалета. Я схватился за голову, скорчился в приступе то ли душевной, то ли физической боли, простонал одно слово:

– Дарианна?

– Думаю, жива, – ответил брат. – Как только ты приказал освободить храм, я вывел ее и Копыла и усадил в карету. Вадиус сказал, что вывезет императрицу через Южные ворота.

Сунув руку под влажную, воняющую тиной и пропитанную грязью рубаху, я извлек два медальона. Один, с гербом рода Марслейн, убрал обратно, второй – кружок из черного дерева – поднес к губам и прошептал слова активации.

– Вадиус, Дарианна. Кто-нибудь, ответьте!

Связующий амулет безмолвствовал. Я пробовал снова и снова, шептал, орал, повторял имя любимой, умолял откликнуться – тщетно.

– Рик. Послушай, Рик… – На плечо опустилась рука Лютого. Я отмахнулся, продолжая свои бесплодные попытки.

– Рик, да очнись же ты! – рассвирепел Ом, стукнув меня по затылку. – Скорее всего, амулеты не действуют. То ли испортились из-за нашего купания в грязи, то ли не выдержали воздействия бездны. Но мой тоже не работает.

– А дядя Ге? – спросил я брата. – Дрианн, Лилла… лорд Феррли?

Лютый печально покачал головой:

– Не знаю, Рик. Ты проспал почти сутки. Я оставил тебя здесь и хотел отыскать их, но времени не было. Надо было помогать разбирать завалы.

– Охо-хо, – старчески вздохнул мастер Триммлер. – Давайте выбираться отсюда, ребятушки. Чего в яме-то сидеть? А там, глядишь, и ее величество найдется, и все остальные, спаси их Луг. На-ка вот, лейтенант, обувай.

Он извлек из своего узла сапоги. Лютый встал на каменный гроб благочестивой Мартины, схватился за края отверстия в потолке, подтянулся на руках и вылез. Следом, обувшись, мысленно попросив у жрицы прощения за вторжение и поблагодарив за приют, выкарабкался я. Низкорослый гном долго топтался, сопел, подскакивал, но никак не мог дотянуться до отверстия. В конце концов Ом спустил к нему пару толстых корней, которые и вытащили сына гор из склепа.

Оказавшись на поверхности, я огляделся и даже не сразу понял, где нахожусь. Город лежал в развалинах. Руины были повсюду, насколько мог охватить взгляд. Разрушенные до фундамента здания. Черные пепелища. Валяющиеся прямо на улице мертвые тела – расплющенные, разорванные, лишенные рук, ног, голов, скрученные, словно тряпичные куклы, замершие в изломанных позах. Их было много. Очень много. Собаки, воющие на обломках того, что недавно было домами. Трупы, трупы, трупы…

Между развалинами ходили люди. Бледные, как восстав-

шие зомби, перепачканные сажей и трухой, они разбирали завалы, чтобы отыскать выживших в этом кошмаре. Бок о бок с ними работали солдаты в серой форме имперских псов и целители. Странно, но ни одного стихийного мага я не увидел. А ведь их помощь была бы неоценимой!

У меня на глазах молодой аристократ, нечеловеческим усилием отвалив тяжелый осколок камня, пролез в образовавшийся проход. Вернулся он, держа на руках девочку лет пяти в пропитанном кровью платьице. Белокурая головка безвольно моталась в такт шагам мужчины, взгляд широко раскрытых голубых глаз был неподвижен. Тут же, на ходу сдергивая с плеча сумку, к ним ринулся высокий целитель. Осмотрев девочку, скорбно покачал головой – поздно… Мужчина тяжело опустился на колени, прижав ребенка к груди, мерно раскачиваясь, зарычал, завыл на одной ноте. Этот крик, полный тоски и бессильной ярости, кнутом хлестнул по душе.

Чуть дальше трое слуг вывели из развалин израненную старушку. Целитель принялся перевязывать ей раны, но женщина, растрепанная, измученная, вырывалась, пыталась вернуться в разрушенное здание.

– Оставьте меня! – рыдала она. – Оставьте! Там внуки, мои внуки, они на втором этаже, спасите их!

Что-то громко хрустнуло в чреве мертвого дома, и покосившиеся остатки стен рухнули, сложились, взметнув плотное облако пыли. Старушка с криком забилась на руках сво-

их спасителей.

Смерть и горе были везде. На лице юной женщины в черном от пепла свадебном уборе, с обгоревшими обрывками фаты, молча стоящей над пепелищем. В глазах маленьких мальчика и девочки, жмущихся друг к другу, не понимающих, что происходит, потерянно смотрящих на тела родителей. В голосе серого пса, воющего над развалинами.

Я шел сквозь ужас, густой, обволакивающий, вдыхал его, существовал в нем. И постепенно осознавал: это я – причина того, что здесь произошло. Это моя сила убила людей, разрушила дома, осиротила детей. Это я, и только я, во всем виноват. И неважно, что первопричиной творящегося здесь кошмара явился Вериллий. Он утратил разум – а какой спрос с безумца? Да, я справился с ним, но разве жизни людей, слезы тех, кто потерял близких, равноценная плата за победу? Меня не утешала мысль, что из-за нашей схватки погибли сотни, а эксперименты отца могли уничтожить всех. Кто теперь скажет: так ли велика была опасность? Кто сумеет угадать, когда случилась бы катастрофа и случилась ли вообще? Возможно, существовал иной способ предотвратить ее. А я убил здесь и сейчас, и этого уже не изменить. И как теперь искупить свою вину? На это не хватит ни человеческой жизни, ни жизни изначального.

Вселенная. Вселенная, мрак ее задери! Когда она проникала в мой разум, я переставал быть человеком. Утрачивал обычные чувства, мыслил иными категориями, поступал

так, как диктовала высшая логика. А какую пользу это принесло людям? Вот этим людям, а не каким-то гипотетическим будущим поколениям? Мои способности изначального несли только смерть и разрушения. Так зачем я здесь? Спасти империю? А не стану ли я причиной ее гибели? Найти печати, найти ключ? И сколько еще несчастных я погублю, идя к этой призрачной цели?

Великие силы налагают великую ответственность. А я с нею не справился. Значит, недостоин и заложенных в меня сил. Но как от них отказаться? Я резко остановился. Хватит! Нет таких бед и проблем, с которыми не мог бы справиться человек. Особенно если у него есть верные друзья. И для этого необязательно обладать какими-то невероятными свойствами.

– Чего стоишь, лейтенант? – буркнул мастер Триммлер.

– Пошли, Рик, – поторопил брат.

Но я уже не слушал их. Сосредоточился, позвал Вселенную, прислушался, собираясь с силами, готовясь оборвать эту связь. Оборвать навсегда, отказаться от нее. Ведь Райл говорил, что можно отказаться от способностей изначального. И еще он говорил: «Нужно только разбудить память души, и все возможности, дарованные нашему племени, раскроются». А значит, память души можно и усыпить. Наверняка можно. Ведь рассказывал же он, что те, кто не захотел быть изначальными, остаются людьми. Вот и я тоже не хочу! Пусть забирают его себе, этот убийственный дар, а мне вер-

нут мою обычную жизнь!

Бесконечность откликнулась, и в сознании зазвучал ее холодный, бесстрастный голос. На этот раз во мне не произошло разительных перемен, но то, что сказала мне Вселенная, вмиг отодвинуло все переживания на задний план, заставило забыть о недавних намерениях. Я скользнул в астрал и осмотрелся вокруг. Багровый туман никуда не делся. Он стал немного светлее, но не исчез полностью со смертью Вериллия. Настораживало не это. В конце концов, я и без астрала ощущал присутствие бездны. В ауре города произошло еще одно изменение. В жидкой кровяной мути добавились странные серые вкрапления. Дымчатые клубки перекатывались по земле, висели в воздухе, липли к людям. И я уже знал, что это. А учитывая сказанное Вселенной, справиться с новой напастью мог только я. Надеялся, что смогу. Ведь серая дымка наверняка появилась благодаря схватке с Вериллием.

– Лейтенант! – Растерянный голос мастера Триммлера оторвал меня от размышлений и заставил вернуться в тело.

– Что это? – вопросил гном, указывая на повисшее передо мной мутное пятно.

Призрак всколыхнулся и приобрел знакомые очертания. В воздухе качался фантом Копыла, только какой-то слабый, неубедительный. Он был почти прозрачным, едва заметным, а то и дело пробегающая по нему рябь искажала и без того малопривлекательные черты.

– Вадиус? Где Дарианна?

– Грр… – прокаркала проекция. – Кррр… Крррасная роща… бррр… быстрррреее… – Издав эти нечленораздельные звуки, маг исчез.

– Красная роща?

– Да, конечно! – воскликнул Лютый. – Красная роща – городок к югу от Виндора. Они там. Копыл должен был вывезти императрицу через Южные ворота.

– Тогда пошли, чего стоим! – скомандовал я.

– Вы идите, ребята. Вы там нужны, конечно, – сказал гном. – А я здесь останусь, помогу людям. Может, еще выжил кто. Наша-то улица Мастеров…

Он крякнул, часто заморгал и отвернулся. В этот момент я понял, что показалось мне странным в его облике: у мастера Триммлера не было ни бровей, ни ресниц, а из бороды неопрятно торчали обгоревшие клочки волос.

– Пожар, – тихо проговорил Лютый. – Все его родственники… Он тушил огонь, сам чуть не сгорел. Но не успел никого спасти.

Я скрипнул зубами. Мне очень хотелось остаться здесь, помогать людям, но Дарианна ждала. Молча пожав руку сыну гор, мы отправились дальше. Везде нас встречали развалины, пожарища, смерти и слезы. Особняк Марслейн превратился в груду обломков. Но я даже не успел огорчиться – гораздо важнее было то, что старенький дворецкий и несколько слуг остались в живых. Испуганные, потерянные,

они бродили вокруг того, что осталось от здания. Я подбежал к ним.

– Господин герцог, – скорбно произнес дворецкий, – вот, не уберегли мы…

– Там есть кто-нибудь? – спросил я, указывая на руины.

– Нет. Мы все были на празднестве. Когда приказали уходить, побежали сюда. А здесь…

– Тогда идите и помогите разбирать другие дома.

Я развернулся и поспешил прочь, не желая больше смотреть на разрушенный дом, в котором родились и выросли мама и дядя. Хотел сохранить его в памяти и воображении другим – красивым и величественным, полным счастливых людей. Я мечтал, что когда-нибудь так и будет, что это я сделаю его таким, продолжу род Марслейн, и в особняке зазвучат веселые детские голоса. Не судьба…

На улице Легкого бриза, где стояли дома магов Совета, картина была не такой удручающей. Конечно, большинство зданий, едва восстановленных после предыдущего нападения тварей бездны, тоже пострадало, но не так сильно, как на остальных улицах. Зато серый особняк главного имперского затейника, благодаря которому на нас рушились все новые беды, был цел и невредим. Казалось, раскорячившиеся на крыше горгульи издевательски ухмыляются, оглядывая искалеченный Виндор. Пробормотав многоэтажное ругательство, Лютый плюнул в сторону дома Вериллия.

Мы пересекли Кольцевую дорогу и вошли в Южный луч.

На улице Черной кошки, где стояли мелкие магические лавочки, салоны предсказателей и жилища не самых сильных волшебников, почти все дома превратились в руины. Их хозяев видно не было, но и спасательные работы здесь не велись. Улица Огненного дракона, на которой жили великие мастера своего дела, боевые магистры, встретила нас тишиной. Здания, покосившиеся, но не разрушившиеся под натиском стихии, равнодушно взирали на пришельцев провалами разбитых окон. Квартал опустел. Я предполагал, что все выжившие чародеи ушли в Красную рощу, чтобы поступить в распоряжение Дарианны. В свете того, что сообщила мне Вселенная, это было единственно правильное решение.

А над изуродованным Виндором памятником былым временам возвышался выстоявший в смерче убийственной волшбы императорский дворец. Только теперь он утратил свое величественное изящество: серебристый шпиль, украшавший крышу, треснул пополам и превратился в кривой обломок.

– Городские стены тоже целы, – сказал Лютый.

У меня имелось объяснение этому, но я предпочел пока промолчать, подождать до встречи с Копылом. Хромой чародей мог подтвердить или опровергнуть мои выводы.

Мы вышли из Южных ворот и зашагали к окруженной кленовым лесом долине, в которой лежал небольшой опрятный городок. Он получил свое название из-за особенных, растущих только здесь красных кленов, по осени окружав-

ших долину пламенеющим ореолом.

У городских ворот нас уже встречали. И какова же была моя радость, когда я увидел Дрианна и Лиллу, скромно стоявших рядом со стражниками. Я обнял друга и, расчувствовавшись, даже чмокнул в смуглую щечку его возлюбленную, которая, впрочем, не оценила моего приветствия и вежливо отстранилась.

– Пойдемте, императрица ждет, – поторопил Дрианн. – Они здесь, ваше величество, – проговорил граф в связующий амулет.

– Вы что-нибудь знаете о дяде Ге?

– Приходил, – кратко ответил некромант, – сейчас в Портовом квартале, руководит спасательными работами.

От души отлегло. Все мои близкие были живы. Разумеется, только благодаря Лютому, который вовремя вывел их из эпицентра магического сражения. Только вот где Артфаал?

– Я здесь, драгоценный друг! – Демон материализовался на моем плече, ласково, совсем по-кошачьи, потерся о мою щеку, обнял шею лапами. – Вы живы, слава Лугу… Варрнавушу… Абсолюту… тьфу! Неважно, слава всем!

Я покосился на кошачью физиономию, и мне показалось… Да нет, невозможно! Но, не знай я, что лорд Феррли демон, мог бы поклясться, что в его желтых глазах блеснули слезы. Померещилось, наверное.

– Вы же понимаете, – тарахтел растроганный Артфаал, – учитывая нынешние обстоятельства, я никак не мог по-

явиться в Виндоре.

Дарианна расположилась в здании городской ратуши, здесь же обосновался и временный штаб, в который входили лучшие маги, военачальники, Дрианн с Лиллой и Копыл. Ждали только нас с Лютым.

– Вот ее кабинет, – пояснил некромант. – Мы здесь, за дверью, подождем.

Лорд Феррли, согласно муркнув, растаял в воздухе.

Дарианна стояла посреди небольшой комнаты и нервно комкала в руках шелковый платок. При моем появлении ее губы задрожали, черные глаза наполнились слезами. Девушка бросилась ко мне, обняла, прижалась всем телом и разрыдалась.

– Ты жив, Рик! Какое счастье, что ты жив!

Я гладил ее светлые волосы, целовал мокрое лицо, шептал что-то успокаивающее и понимал, что никогда, никогда не оставлю ее. То, что произошло со мной там, в растерзанном Виндоре, было минутной слабостью, ошибкой. Сейчас понадобятся все мои возможности и – главное – все силы изначального. И я готов был платить любую цену за то, чтобы помочь любимой.

– Ты жив, ты жив, – словно молитву повторяла она.

То, что случилось в следующий момент, стало неожиданностью для меня самого. Я не хотел этого, не собирался делать. Наверное, наши души были настолько обнажены, а сознания так открыты друг другу, что я, сам того не желая,

коснулся разума Дарианны. То, что я там прочитал, навсегда останется моей тайной. Многое я, возможно, предпочел бы не знать, о чем-то догадывался, но старался не верить. У императрицы было много секретов – простых девичьих, важных государственных и мрачных, темных, поистине страшных. Но я простил ей все за одно лишь чувство, увиденное в ее сознании. Дарианна любила меня – искренне, страстно, неистово. Любила по-настоящему. И я поклялся себе, что больше никогда не оскорблю недоверием свою женщину, что бы ни случилось, никогда не стану читать в ее сознании. Потому что все, что мне нужно знать о ней, я уже знаю. Мы хорошая пара, как бы там ни проклинала нас Лаурита.

– Андастанские некроманты пошли войной на Галатон, – немного успокоившись, произнесла Дарианна. – Скоро они будут у границы империи. Восточный эмират пал.

Плохая новость. Вселенная почему-то забыла сообщить мне об этом. Или не пожелала. Судя по тому, что я видел на Южном континенте, андастанские некроманты – грозные противники. Дрианн с Лиллой обладают огромными и, главное, неизученными силами. А если таких целая армия? Да еще и зомби с ними. Или как там их Лилла называла? Все время забываю… Носферату. Скоро в Виндор хлынут беженцы из провинций. Я надеялся, что хлынут, что клятые колдуны не успеют уничтожить всех на своем пути, что хоть кому-то удастся спастись. А нам нечего противопоставить андастанскому войску…

– Ничего, мы справимся, – ответил я, стараясь придать своему голосу как можно больше уверенности.

Все же моя любимая – удивительная женщина. Настоящая императрица – гордая, несгибаемая, бесстрашная, готовая бороться за свой народ до конца.

– Мы разрабатываем план военной кампании, – сказала она. – Я уже отдала ряд приказов, чтобы обезопасить людей из приграничных провинций, и стянула к границе войска. А сейчас пойдем к Вадиусу, ему нужно поговорить с тобой.

Кабинет Копыла находился напротив покоев Дарианны. Сам чародей, измученный, иссиня-бледный, лежал на мягком диване, укрытый шерстяным пледом. Над ним хлопотала красивая молодая целительница.

– Выпейте же укрепляющий настой! – уговаривала она.

– Не стану! – отмахиваясь от красотки, одышливо скрипел волшебник. – По запаху чувствую: вы смешали его с сонным зельем!

– Но вам необходимо отдохнуть!

Видя тщетность своих попыток облегчить состояние капризного пациента, черноволосая девушка чуть не плакала. Она кинулась к Дарианне за помощью:

– Ваше величество! Больной очень слаб, но не принимает зелья. Я ничего не могу поделать…

– Не расстраивайтесь, милая, – снизошел до объяснений старый чародей, – один разговор, и я в вашем распоряжении.

Дарианна жестом отпустила расстроенную целительницу.

Копыл облегченно выдохнул:

– Ваше высоко…

– Не утруждайтесь титулами, Вадиус, – сказал я, видя, как тяжело дается ему каждое слово. – Берегите силы, говорите самое важное.

– Магия…

– Да, я уже понял.

– Дворец, ворота, стены… Они сохранились, но на это потребовалась вся защита. Они отдали волшебство и сейчас уязвимы. То же с домами магов. Выстояли только те, в которых использованы уникальные заклинания, напитанные силой мрака. Но сейчас и она не работает. Тонкая магия тоже. Астральное путешествие по Виндору чуть не стоило мне жизни.

– Я так и думал.

– Источники недоступны. Не знаю, как долго это продлится. – Копыл откинулся на подушку и закрыл глаза, показывая, что сказал все, что хотел.

Главное я узнал от Вселенной, остальное додумал сам. Старик лишь подтвердил мои догадки. Сражение двух сил, их слияние, противостояние, перекрещение породили неизвестные магической науке эманации, которые отрезали Виндор от основных источников волшебства. Теперь на его территории светлая, темная и тонкая магии были бессильны. Сам я сумел выйти в астрал только благодаря силам изначального. И именно это увидел в ауре города. Серые комки

тумана – вот как выглядели загадочные эманации. Они не смогли убить лишь эльфийское волшебство, использующее силы природы, – это блестяще доказал Лютый. Впрочем, я боялся в том признаться даже себе, но вряд ли серый туман мог остановить некромантов. Это слишком хорошо, чтобы быть реальностью…

Копыл приоткрыл один глаз, с трудом прошептал:

– Дрианн с Лиллой проверяли. В Виндоре они так же сильны, как и за его пределами.

Я кивнул. На нас надвигался грозный враг, в то время как столица лишилась защиты. Магия в Виндоре была так же мертва, как погибшие во время катастрофы люди.

* * *

Стелилась серым ковром степь под лапами вулкорка, редким, едва заметным узором зеленела на ней молодая трава. Кое-где на кочках тянулись к скупому солнцу голубые, словно осколки неба, упавшие на землю, цветы послезимника. В Орочье гнездо пришла весна – поздняя, затяжная, капризная, то баловавшая обитателей слабым теплом, то обжигавшая холодными ветрами.

Но не замечал Уран-гхор ни робких солнечных лучей, ни суровой красоты родной степи, пробуждавшейся от долгого сна. Слишком занят он был своими думами, слишком важные дела ждали впереди. Многое сегодня должно было ре-

шиться. И молодой вождь с раннего утра объезжал свои владения, сам проверял, все ли готово.

Над головой ворон кружил, оглядывал с высоты Орочье гнездо, словно берег Уран-гхора от всех опасностей. Да только не было в родной степи ни зверя, ни орка, который мог бы потягаться силой с вождем племени Гра-ориг. Сам он был могуч, а шаманство Роба ему еще мощи прибавляло. Под теленгой прятались хитрые амулеты, изготовленные стариком: деревянная фигурка росомахи прибавляла ловкости и силы, железный круг удары меча отводил, а костяная пластина берегла от злых духов. Волосы перехватывал кожаный шнурок, приносящий удачу в бою, а сама теленга была заговорена от стрел.

Но лучше всяких амулетов, вернее, шаманских хитростей, дороже любого оружия был свирепый вулкорк, на котором ехал Уран-гхор. Самого лучшего зверя вырастил Роб для своего названого сына. Был он высок в холке, так что голова его достигала груди молодого вождя, широк в кости и вынослив. Мощные лапы уверенно, тяжело ступали по земле – казалось, неповоротлив вулкорк, неуклюж. Но ни один конь из человеческих земель не мог сравниться с ним в быстроте. Повинуясь приказу хозяина, мчался он по степи как вихрь. Серебристо-серое тело распластывалось в длинных прыжках, летело как стрела, легко, стремительно, словно и не чувствовал зверь тяжести седока. Был вулкорк злобен и лют, словно нордар. В селении никого не трогал, но никого и

не подпускал к себе, кроме Уран-гхора и старого шамана. Да орки и не осмеливались к нему близко подходить. Всякого пугал один вид его огромной оскаленной пасти с клыками вполпальца длиной и горящих зелеными огнями глаз.

Уран-гхор назвал вулкорка Клык. Зверь был предан молодому вождю, верно служил ему, повиновался во всем и еду принимал только из его рук. Вечером орк отпускал Клыка на свободу, тогда вулкорк бежал в степь и охотился. А ночью приходил к каранге хозяина и ложился у входа. Опустив лобастую голову на лапы, засыпал, но и во сне чутко настораживал уши при любом звуке, охраняя сон вождя и его семьи. И не было во всем мире часового надежнее и храбрее.

Клык принюхался на бегу, тихо рыкнул. Ветер донес до его чуткого носа запахи дыма и грозы.

– Знаю, – отвечал Уран-гхор, – скоро будем на месте.

Обширны были земли клана ориг. Привольно кочевали по ним племена, свои стоянки кругом устраивали, таким большим, что селение соседей едва видно было. А в центре всегда была стоянка Гра-ориг. Молодой вождь охотничьи угодья объехал, наведался в другие племена, теперь в свое селение возвращался. Но сперва завернул проведать Роба.

Старый шаман собрал из всех племен клана юношей и девушек, способных к колдовству. Приказал им поставить каранги поодаль от стоянок, чтобы не мешать другим оркам, не пугать их ни молниями, ни дрожью земли. Отдельно от всех теперь жили шаманы, день и ночь учились у Роба чер-

пать силу бездны, петь волшебные песни и творить чудеса.

Хрипло каркнул ворон, полетел к селению шаманов. Далеко еще Уран-гхор был, а Роб уже из каранги вышел, встречал гостя. То ли волшебной силой своей почувствовал, то ли ворон ему рассказал.

– Здравствуй, отец, – сказал вождь, спешиваясь. – Как живешь ты? Послушны ли твои ученики?

– Здравствуй и ты, мой сын. Все у нас идет своим чередом. И ты не страшись испытаний, все будет так, как угодно богам и древним духам степей. А ученики мои трудятся, постигают шаманскую науку.

– Где же они? – оглянулся Уран-гхор.

Молча кивнул Роб, указывая за карангу. Вождь обошел жилище и остановился, разглядывая удивительную картину. Странно вели себя ученики. Одни лежали на холодной земле, раскинув в стороны руки и неотрывно глядя в небо. Другие неподвижно стояли с закрытыми глазами. Чуть поодаль юноши и девушки, взявшись за руки, водили медленный хоровод. Плавно двигались они в полном молчании, и лица их были словно каменные.

– Что они делают? – удивился Уран-гхор.

– Впитывают силы бездны, – ответил старый шаман. – Учатся находить их, принимать и удерживать в своем разуме. Это – начало колдовства. Каждый шаман должен разговаривать с бездной.

– А готовы ли они к приходу гостей?

– Мои ученики готовы ко всему. А нам пора ехать в селение, сын.

Роб в карангу зашел, вернулся с дорожной сумкой.

– Амулеты.

Многое успевал шаман, никогда без дела не сидел, не берег свою старость. Теперь, когда о вулкорках заботились его лучшие ученики, принялся Роб изготавливать амулеты для орков. Воины приносили ему костяные и деревянные фигурки, кожаные шнуры, железные пластины – и для каждого делал шаман свой заговор. Теперь все племя Гра-ориг амулеты охраняли. У детей Уран-гхора – Арана и Дарки – на шеях маленькие бусины из самоцветов висели, болезни отгоняли. У Айки под одеждой пряталась пестрая веревочка – чтобы молоко вовремя прибывало, а браслет на руке, сплетенный из кожаных ремешков – украшение хранительницы очага, – помогал не уставать от домашней работы. Никому Роб не отказывал, всем амулеты готовил. Скоро пошли к нему на поклон вожди других племен клана ориг, а следом их воины и хозяйки – и им шаман помогал. Ведь теперь все орки клана были свои, все под рукой Уран-гхора ходили.

Вот и сейчас много разных амулетов приготовил старый Роб. Стоял у каранги и ждал своего вулкорка. Ни слова шаман не сказал, ни движения не сделал, но зверь, словно почуяв беззвучный зов, прибежал к нему, подставил спину. Поехали орки в селение Гра-ориг. За ними тоже верхом несколько учеников Роба двинулись, остальные шаманы

пешком пошли.

А в селении уже готовились к празднику. Горели костры, бурлили на них котлы, суетились вокруг женщины. Большое угощение собирали: варили жирную оленину, жарили на огне птицу, запекали в золе озерную рыбу, доставали из каранг кувшины с моченой ягодой. Молодые девушки посреди стоянки стелили чистое полотно, раскладывали пушистые шкуры, на которых сидеть тепло и приятно. За всей этой работой Айка присматривала, проверяла, чтобы на празднике было все лучшее.

За полдень начали съезжаться вожди. Первыми приехали свои, из клана ориг. А уж за ними и другие подоспели.

Велики дикие степи, и много орков по ним кочует. Пятнадцать кланов, в каждом по десятку племен, а то и по два десятка. От каждого клана позвал Уран-гхор в гости по одному вождю племени. Выбрал самых сильных, самых могущественных, самых мудрых – таких, которых везде знали и уважали. Десять дней гонцы разыскивали их по всему Орочьему гнезду. А найдя, передали, что зовет их вождь Гра-ориг на проводы зимы – самый главный праздник для степняков. Мог бы принять Уран-гхор вождей всех орочьих племен, не жаль было ему ни угощения, ни даров. Но там, где слишком много чужаков, единства нет. Вот потому позвал он всех вождей своего клана, а из других кланов – лишь лучших.

Ни один от приглашения не отказался, каждому оно лестно было, каждому хотелось на ориг посмотреть: слава об их

богатстве, силе и удаче птицей летела по всей степи. Никто не побоялся, что заманят его в ловушку. Все знали, что значит слово молодого вождя: закон гостеприимства для него священен.

Но не зря звались эти орки главами племен. Умны они были, опытны, понимали – не для веселья собрал их Уран-гхор. И каждый из них гадал по дороге, добром ли предложит вождь под его руку идти или грозить начнет, силой захочет заставить. А властью делиться никто не желал.

Встречал гостей Уран-гхор. Вел себя как равный – руку жал, уважительно желал здоровья, провожал к большим карангам, предлагал отдохнуть после дороги. Женщины приносили вождям горячий травяной настой, закуску. А когда все собрались в селении, пригласил вождь гостей к праздничному угощению.

Уран-гхор во главе стола сидел, по левую руку от него – Ярх, верный помощник и товарищ, по правую – старый Роб. Дальше вожди сидели – суровые воины. Горели самоцветы на их шапках, сверкали стальные пластины на теленгах. Сказал шаман ритуальную речь: возблагодарил Сацеола за то, что позволил племени вынести холодную зиму, кровавую Морриган – за то, что орки между собой в мире жили, духов степи – за то, что хранили племена от голода и холода. И начался пир.

– Хорошее угощение, – сказал Оран-гхор, немолодой, тяжелый, словно медведь, вождь племени Хаар-вирг, – видно,

богатые у тебя охотничьи угодья.

– Земля везде одинаково родит, – отвечал Уран-гхор, – и все угодья одинаковы. Это шаманы наши камлают, чтобы плодились звери в лесах, птица в степи и рыба в озерах. От их волшбы всего у нас вдоволь.

Молча переглядывались вожди. Не верили они, что шаманы могут зверю и птице приказывать. Не выдержал молодой вождь племени Мха-рау, могучий воин Вели-гхор, рассмеялся:

– А что же ягоду твои шаманы не выращивают?

– Еще не время, – спокойно сказал Уран-гхор. – Придет лето, тогда и ягоду вырастят.

А старый Роб улыбнулся, зачерпнул из миски горсть моченой голубики, прошептал над ней какие-то слова и высыпал ягоды перед Вели-гхором:

– Прими, славный вождь, мое угощение.

Попробовал воин: свежей, сладкой была голубика, словно ее только что с куста сорвали. Никогда не видел он таких чудес.

Наелись гости, развалились на теплых шкурах. Ждали, чем еще хозяин их удивит.

– Хорошо живет твое племя, – сказал Оран-гхор, – да только от такой сытной жизни орки могут боевой дух потерять. Где же все твои воины, Уран-гхор? Кроме часовых, я никого не заметил.

– Все они делом заняты, – отвечал молодой вождь. – А

чтобы их боевой дух увидеть, надо в воинское селение ехать. Я вас туда приглашаю.

– Мы бы поехали, но вулкорки наши устали, им после долгой дороги отдых нужен, – нахмурился Вели-гхор.

– Тогда примите мои дары.

Кивнул Уран-гхор старому шаману, тот в ладоши хлопнул. Раздался из степи далекий вой, такой злобный и свирепый, что у всех вождей мороз по коже пробежал. Не показали воины своей оторопи, ждали, что дальше будет. Скоро выбежала из-за дальних кустов стая невиданных зверей. Огромные, серебристо-серые чудища с зелеными горящими глазами и клыкастыми, злобно оскаленными пастями неслись прямо к гостям. Вскочили вожди, за оружие схватились, защищаться приготовились. Но звери подбежали к Робу и улеглись вокруг него, словно послушные щенки. Усмехнулся Уран-гхор:

– Вот и дары мои – боевые вулкорки. Или не по нраву они вам?

Молчали вожди, разглядывали жутких тварей. Первым заговорил Эр-гхор, вождь племени Эри-даг:

– Где же водятся эти вулкорки? Никогда я таких в Орочьем гнезде не видал.

– Эти звери выращены нашими шаманами, – сказал Уран-гхор. – Они свирепы и сильны, выносливы и быстры.

– Как же их объезжать? – спросил Вели-гхор.

– Объезжать их не надо, – проговорил Роб. – Позволь мне

отрезать прядь твоих волос, славный вождь.

Не хотелось Вели-гхору, да делать нечего: не праздновать же труса перед всеми. Вынул он острый нож, сам с головы своей прядь волос срезал, шаману передал. Тот снял с плеча дорожную сумку, достал из нее кожаные ремешки. Затянул тихую песню, принялся переплетать полоски с волосами вождя. Быстро мелькали узловатые старческие пальцы, такой ловкости мог любой юноша позавидовать. Вскоре смастерил он тонкий, словно кружево, ошейник.

– Выбирай вулкорка, вождь племени Мха-рау.

Воин подошел к смирно лежавшим зверям, присмотрелся:

– Вот этот, с черными подпалинами на боках.

Кивнул Роб, и вулкорк послушно встал. Шаман надел на него ошейник, что-то тихо прошептал в ухо зверя, прикоснулся пальцами к его лбу.

– Вот и все, вождь. Теперь он твой верный товарищ, помощник и защитник. А десять дней спустя узы волшбы привяжут его к тебе так крепко, что и ошейник не понадобится. Но ты его не снимай, этот талисман охраняет зверя от болезней. Сейчас мои ученики упряжь принесут.

Подошли к пирующим два юноши. У одного в руках была стопа седел, у другого – сбруя. Вели-гхор оседлал своего вулкорка, проскакал вокруг селения. Послушен был зверь каждому движению руки наездника. То медленно трусил, то летел, едва касаясь лапами земли. А когда спешился вождь, вулкорк рядом с ним пошел, злобно глядел по сторонам –

охранял хозяина. Остановился Вели-гхор – зверь тоже замер. Преданно смотрел на орка, ждал, что тот прикажет. Не дождался, дружески боднул Вели-гхора головой в плечо, подставил спину – поехали, мол. Рассмеялся воин:

– Благодарю тебя, Уран-гхор, и тебя, шаман, за щедрый дар. Вправду этот вулкорк целой стаи стоит.

– Пусть принесет он тебе только удачу, – важно отвечал молодой вождь. – Ешьте, пейте, гости. А Роб пока всем вулкоркам ошейники сплетет.

Скоро каждый получил в дар чудесного зверя.

– А теперь пора и воинов моих проведать, – сказал Уран-гхор.

Охотно согласились орки, каждому было интересно, чем еще удивит их глава клана ориг. Но того, что предстало их глазам в воинском селении, никто увидеть не ожидал.

Широко стелилось ровное поле перед холмами-близнецами. На его краю лагерь стоял: десяток простых каранг да часовые между ними. А над полем реял звон клинков, неслись боевые кличи. Многие сотни орков здесь собрались – все воины клана ориг, от молодых, проводивших свою шестнадцатую зиму, до крепких стариков, убеленных сединами.

На стороне стужи учебное поле боя устроено было. Молодые воины сражались на деревянных мечах, а рядом взрослые орки стояли, покрикивали на них, давали советы. Если совершали юноши ошибку – наставники их останавливали, терпеливо объясняли, показывали, как правильно держаться

надо.

Чуть дальше бились друг с другом зрелые, опытные воины. Всерьез сражались, без пощады. Летели искры от сталкивающихся клинков, трещали щиты. Стремительны, мощны и хитроумны были орки в сражении. Волками рыскали они, обходя противника, взлетали в высоких прыжках, ковылем стелились по земле, уклоняясь от ударов.

– Сильные воины, – промолвил Вели-гхор.

Остальные вожди тоже одобрительные слова сказали. Только один Оран-гхор презрительно морщился.

– А как же так выходит? – удивился Эр-гхор. – Ведь сражаются воины всерьез, а на них – ни раны, ни царапины.

– Наши шаманы на учебу клинки заколдовали, – сказал Уран-гхор. – Мечи боевые, наточенные, но телу вреда не приносят. А вот если выйдет против моих воинов настоящий враг – волшба тут же исчезнет.

И опять поразились вожди, и опять Оран-гхор недовольно глядел.

На стороне тепла странные строения возвышались, невиданные ранее вождями. Глухие деревянные стены, хитрые лестницы, вбитые в землю толстые высокие опоры, на которых лежали гладко отесанные бревна. Самые юные орки под присмотром строгих немолодых воинов штурмовали эти препятствия, взбирались на них, ловко бегали по бревнам. Едва пройдя все преграды, они возвращались и начинали снова.

Захохотал Оран-гхор:

– Что делает молодежь? Зачем наверх карабкается? Орки они или белки лесные?

– В Богатых землях дома большие, а селения окружены высокими стенами, – спокойно отвечал Уран-гхор.

– Неужели правду о тебе говорят? Неужели ты хочешь на людей набег совершить?

– Нет, – сказал молодой вождь. – Не набег. Войной пойти хочу.

– Морриган тебе судья, – продолжал Оран-гхор. – Безумное это дело. Но пусть даже так. Зачем же заставляешь ты юнцов по деревяшкам лазать? Нет такой стены, на которую орочий воин взобраться бы не сумел. Сыновья диких племен ловкости да силы на охоте набираются, воевать в набегах на соседей учатся.

Разгорячился могучий вождь, немыслимо казалось ему, что нарушает Уран-гхор все обычаи и традиции Орочьего гнезда. А тот не ярился, не кричал, говорил ровным голосом:

– Нет у меня времени ждать, когда юноши сами в опытных воинов превратятся. Пускай лучше здесь учатся, под присмотром старших. А набеги на другие племена я своей волей запретил, под страхом смерти. Негоже брату на брата с мечом идти, кровь проливать.

Молчали вожди. Каждый свое думал. Одни одобряли слова Уран-гхора, другие в душе не соглашались с его новыми порядками. Но все понимали: могучая сила в степях появи-

лась, и с нею придется считаться. И только Оран-гхор никак успокоиться не мог:

– Но зачем орков как щенков натаскивать, когда самый неопытный воин, поев грибов, в нордара превращается! Один хх'раис в бою десятерых стоит!

– От безумных воинов для клана вред один, – сказал молодой вождь. – Долго такие не живут, а мне каждый меч нужен. У настоящего бойца разум должен быть холодный. Чтобы не только нападал он, но и защищаться мог, и товарища в сражении поддержать.

Не вынес Оран-гхор этих слов, услышал в них издевку. Сам он перед боем всегда грибы дурманные ел и воинов своих заставлял. Бешеным зверем зарычал:

– Плохо живешь, Уран-гхор! Не по закону Морриган!

Но тот снова ровным голосом ответил:

– Чтит мой клан кровавую богиню, возносит ей молитвы. Но живем мы по законам Урана.

– Тогда хочу я посмотреть, чего стоит Уран в бою! – вскричал Оран-гхор, выдергивая меч из ножен. – Сильны твои воины, а сам ты только говорить горазд!

– Не хочу я нарушать законы гостеприимства. Не должен хозяин с гостем клинки перекрещивать.

Тут и другие вожди вмешались. Схватили Оран-гхора под руки:

– Не дело гостю устраивать драку в доме хозяина! Сам же не по древнему обычаю поступаешь!

Скрипнул зубами Оран-гхор, сдержался, но злобу затаил. «Силен его шаман, – думал он. – Заколдует мой клинок, и погибну зря». С тихой угрозой бросил:

– Хорошо. Пусть все видят, что я чту законы Морриган. И сегодня буду твоим гостем. Но если наши с тобой пути в степи пересекутся – не жди пощады, Уран-гхор!

– Пусть будет так, – согласился молодой вождь. – Тогда поедем обратно в селение, дальше праздновать. Слушайте меня, воины клана ориг! – громко крикнул он. – Сегодня вы хорошо потрудились. А теперь ступайте отдыхать! В честь дня проводов зимы отпускаю вас до завтра. Для всех возле стоянки моего племени праздничное угощение приготовлено!

Ответом ему был боевой клич, вырвавшийся из сотен глоток. И так громок он был, так могуч, что проник в самые души гостей.

«Клан – великая сила, – думал молодой Вели-гхор. – Вместе они горы свернут. А наши племена рау разобщены, друг на друга вулкорками смотрят, так и норовят набежать, напасть. Плохо это».

«Могущественный клан, – размышлял Эр-гхор. – Силен своим единством и вождем силен. А главная сила – шаманы. Даже если все племена даг вместе собрать, не стать ему таким грозным».

Оран-гхор тяжелой злобой наливался, щурил черные глаза, стискивал в могучих руках поводья. «Ничего, – думал, –

еще посмотрим, чья возьмет в открытом бою, без колдовства». Верил в священное безумие хх'раисов.

Остальные вожди тоже в задумчивости назад ехали. Кто мощи ориг завидовал, кто за свои земли боялся, кто законам Урана удивлялся.

Селение Гра-ориг встретило вождей весельем и новым угощением. Только теперь большой стол был накрыт. Он опоясывал всю стоянку племени. Прямо на земле стояли котлы с жирной похлебкой, блюда с кусками мяса, лежали лепешки. Женщины из всех племен ориг шли сюда, несли еду, ждали своих воинов.

А перед столом уже начались пляски. Молодые девушки кружились в ритуальном танце, вскидывали руки к небу, благодарили солнце за подаренное весеннее тепло. Гибкие, сильные, в расшитых диковинными узорами светлых теленгах, они то плавно шли по кругу, плыли, словно дикие утицы по озерной глади, то стремительно неслись, как молодые горячие оленухи по бесконечным просторам степи. Склонялись к земле, испрашивая у нее плодородных сил, распрямлялись и вновь тянулись к небу, брались за руки, вели хоровод, сходились, обнявшись, и опять рассыпались по полю, будто яркие весенние цветы. Скакали вокруг дети, радовались веселому празднику. Беззубо улыбались старики и старухи, счастливые, что проводили еще одну зиму, пережили холода и снова увидели солнце.

Все больше орков подсаживались к столу – это приезжа-

ли из мужского селения те воины, у которых вулкорки были. Садились, просили благословения богов и духов, благодарили жен за заботу и принимались за еду. Уран-гхор тоже к своим воинам присел, шутил с ними, смеялся, хвалил угощение. И гостей пригласил. Сыты вожди были, лишь из уважения к хозяевам кусочки лепешек отщипывали, любуясь танцем юных орок.

Вдруг вспыхнули над головами девушек разноцветные огни, разлетелись в стороны, рассыпались по земле. Это шаманы из своего селения пришли, присоединили к празднику волшбу. В первый раз за день увидели гости своими глазами всех учеников старого Роба, про которых так много сказано было. Смотрели и удивлялись: орки как орки, молодые совсем. Юноши и девушки, некоторые почти дети, на вид едва тринадцатую зиму проводили. Не выделялись они среди других соплеменников ни статью, ни ростом, и лица у них обычные были. А что творили – загляденье! По их зову с неба спустились птицы, парили над селением так низко, что крыльями задевали головы орков. Прибежали из степи дикие звери: пугливые зайцы, хитрые рыжие лисы, черные остромордые жихи. Не боялись орков, доверчиво к ним подходили, сгибали передние лапы и кланялись, словно разумные. Взметались к небу все новые цветные молнии, истаивали медленно в солнечных лучах.

– Ай, искусны твои шаманы, вождь! – воскликнул Эргхор.

– Никогда я таких чудес не видел, – подхватил Вели-гхор.

И остальные вожди не скупились на похвалу чудесам, которые творили молодые шаманы. Лишь один Оран-гхор скривился:

– Огонь горит, да не жжется. Баловство это все, ненужные игрушки.

– Игрушки учат детей жизни, – скупо улыбнулся старый Роб. – А мои ученики и в забаве, и в бою лицом в грязь не ударят.

Хлопнул в ладоши старый шаман – закончился танец, разбежались девушки. А из-за каранг вынесли жертву солнцу – большую деревянную фигуру, оплетенную сухой травой. Каждую весну делали орки такое чучело, наполняли его полое тело дарами: битыми тушками зверей, лепешками, новыми теленгами, кожаными украшениями, пушистыми шкурами. Ставили фигуру в степи и сжигали ее под ритуальные песни и танцы, под камлание шаманов, благодаря солнце, богов и духов, прося у них теплого лета. Верили: чем щедрее жертва, тем благосклоннее будут боги к племени.

Богат клан ориг, не поскупились его вожди на дары солнцу. Двенадцать воинов несли чучело, сгибались под его тяжестью. Отнесли далеко от застолья, на три десятка шагов, и назад отошли. Встали все орки, чтобы лучше видеть, как будет жертвенник гореть. Поднялся старый Роб, ударил в бубен, а ученики его окружили чучело, запели странную, тихую песню. И только одна шаманка – девочка совсем, тонкая, невы-

сокая, не вошедшая еще в пору женского цветения, – осталась стоять поодаль, сжимая в хрупких детских руках бубен.

Замерли орки, ждали, что дальше случится. И витала над ними песня шаманов, стелилась по степи, льнула к душам, проникала в них, селила почтительный страх. Рокотали бубны: тихо, тихо, потом громче, сильнее, наливаясь мощью. Звук их нарастал, захватывал всю степь, сотрясал воздух, казалось, еще чуть-чуть – расколется само небо от их грохота… И вдруг, взвившись к солнцу, оборвался гром, стихла песня. Ученики простерли руки к юной шаманке. А она закружилась на месте, нежным голоском выпевая одно лишь неясное слово. Потом замерла, ударила один раз в бубен и отбросила его, указав на чучело. И жертвенную фигуру охватило невесть откуда взявшееся пламя, ревущим столбом взметнулось в небо, словно хотело достичь самого солнца, передать ему дары. Огненная мощь была так велика, что каждый ощутил на лице жар. Долго еще полыхал жертвенник, гудел огонь. В молчании смотрели на него орки. А когда отгорела фигура, рассыпалась пеплом по степи, шаманы склонились к земле, коснулись ее ладонями и снова затянули песню. Отозвалась земля, задрожала, затряслась под ногами. И эту дрожь почувствовал каждый орк. Вдруг разверзся вокруг шаманов глубокий провал, зазмеились, побежали от него во все стороны трещины. Вскрикнули в испуге женщины. Воины промолчали – стыдно им было страх показывать, но и их жуть взяла. Каркнул ворон высоко в небе, ударил в бубен Роб

– и сомкнулась земля, словно и не открывала свои глубины.

Восторженным ревом встретил клан ориг эти чудеса, славил своих шаманов. А гости долго еще молча сидели. Первым Вели-гхор заговорил:

– Сколько же у тебя таких шаманов, Уран-гхор?

– Четыре десятка, – был ответ.

– А что же еще они могут?

– Амулеты разные делать, в бою воинов невидимыми щитами прикрывать, молнии во врага посылать, болезни лечить, с духами предков разговаривать. Многое могут…

Долго еще пировали орки в тот день. Собрались все воины клана, веселое застолье было. Настал вечер, разошлись все по своим селениям. Гости улеглись спать в поставленных для них больших карангах. Да только не ко всем в ту ночь сон пришел. Много думали вожди о громадной силище, пришедшей в Орочье гнездо. И еще каждый гадал, чего же хочет от них радушный хозяин.

Как утро настало, засобирались вожди в обратный путь. Только сначала пригласил их Уран-гхор перекусить перед дорогой. Молчал он, ничего не говорил, прихлебывал травяной отвар. Первым не выдержал молодой Вели-гхор:

– Скажи, Уран-гхор, зачем ты нас собрал? Ведь не только чтобы на празднике погулять?

– Не только, – отвечал вождь. – Собрал я вас, чтобы вы своими глазами нашу жизнь увидели, нашу силу почувствовали. Все вы – славные вожди, великие воины, уважаемые в

своих кланах. Расскажите оркам, как живет клан ориг. Расскажите, что могут наши шаманы. Про богатство наше, про могущество расскажите. И сами подумайте, что для вас дороже: вечные распри между племенами или единство, которое дает силу?

– Да ты никак под свою руку нас зовешь? – зло рассмеялся Оран-гхор.

– Зову.

Эр-гхор головой покачал:

– Не гневайся, Уран-гхор. Но никто не захочет власть вождя тебе отдать.

– Я и не хочу вашей власти, – отвечал Уран-гхор. – Вы останетесь вождями, а я буду – вождь вождей.

Переглянулись гости.

– Решайте, вожди, – сказал Уран-гхор. – Неволить никого не стану. Не нужны мне ни рабы, ни враги внутри моего народа, нужны верные воины и товарищи. Решайте. А только поодиночке люди нас всех передавят и в полон заберут. Вместе же мы – огромная силища.

– Что же, если пойдем мы под твою руку, и из наших юношей шаманов сделаешь? – спросил Вели-гхор.

– Роб отыщет в каждом племени орков с даром и сделает их шаманами.

– А пока они учатся – пошлю в племена своих шаманов, – подтвердил старик. – Чтобы от опасности защищали, охотничьи угодья заговаривали, орков лечили да вулкорков силь-

ных выращивали.

– А молодежь нашу будешь обучать, как своих воинов?

– Я не буду. Вы сами будете, я только покажу как.

– Думать надо, – сказали вожди.

– Думайте. А кто надумает – пусть приходит ко мне, принимает мои законы и живет по ним. Селение мое всегда открыто для друзей, а в каранге тепло и еда найдется.

– Прост ты, вождь, – ухмыльнулся Оран-гхор. – Слишком многое ты нам показал, все секреты выдал. А если кто не как друг придет, а как враг?

– У нас найдется и чем врага встретить, – отвечал Уран-гхор. – А селения моего клана защищены от подлых жих. Нелегко будет сюда проникнуть.

Ударил в бубен старый шаман, и возникли из утреннего тумана белые тени, подступили к гостям, прикасались холодными бесплотными руками, шептали в уши невнятные речи. Ужас сковал сердца воинов, слышавших голос самой смерти.

– Духи предков нас о враге предупреждают, – сказал Роб. – А врага они с ума сведут, запутают, жизнь высосут.

Содрогнулся Оран-гхор:

– Хватит, хватит, шаман! Понял я, куда клонишь…

Взмахнул рукой Роб – ушли духи, словно и не было их. Только воспоминание о них жило в душах, бередило тоскливым страшным сном.

Разъехались вожди в разные концы степи. Уран-гхор провожал их задумчивым взглядом.

– Скажи, отец, правильно ли я поступил, что не убил Оран-гхора сразу? Чувствую – злоба его не уймется.

– Ты правильно поступил, мой сын. Негоже праздник убийством портить, нельзя кровь в Орочьем гнезде проливать. Да и законы гостеприимства нарушать духи не велят. Не думай об Оран-гхоре.

– Но не предатель ли он? Не продает ли орков людям в Богатые земли? Не доносит ли им о том, что в степи делается?

– Он не жиха, он хх'раис. Разум его разрушается от дурманных грибов. Духи сказали мне: тогда приходит к нему образ человеческого шамана, и Оран-гхор выбалтывает ему все, что видел и узнал.

– Так зачем же мы его отпустили? Ведь он все расскажет людям!

– Не тревожься, сын. Люди узнают. Это неизбежно. Степь велика, в каждом клане есть предатели. Услышат от вождей про нашу жизнь и донесут человеческим шаманам. Не скоро еще мы всех жих повыведем. Пусть люди узнают. Но на каждую чужую хитрость можно свою придумать.

После праздника минуло десять дней. Потом еще десять. И явился в клан ориг первый вождь, решивший под руку Уран-гхора пойти, – молодой Вели-гхор. С собой еще троих вождей клана рау привел. Приняли они законы Урана, поклялись по ним жить. А на другой день отправились в родные селения. С каждым из них Роб послал своего ученика. Стали жить шаманы в селениях клана рау, помогать оркам.

Испытали юношей и девушек на колдовской дар, нашли способных и отправили их к Робу – учиться мастерству. Посмотрели другие племена рау, как хорошо живется тем, кто под руку Уран-гхора пошел, и тоже согласились сделать его вождем вождей.

А потом и Эр-гхор явился, а за ним много других вождей клана даг. Каждый день шли орки из разных кланов в селение Гра-ориг, клялись в верности законам Урана. Разъезжались в разные концы Орочьего гнезда молодые шаманы. И летели от них к старому Робу птицы с весточками. Присматривали его ученики за орками, находили среди них предателей. А потом те предатели тихо умирали своей смертью. Очищалось Орочье гнездо от человеческой заразы.

Вставали по всей степи новые и новые воинские селения, учились в них юные орки воевать с людьми. И шаманское селение ширилось и росло. Увеличивалась с каждым днем стая свирепых боевых вулкорков, теперь уже на всех воинов хватало зверей. Доволен был Роб, многое они с Уран-гхором сделать успели. Только Оран-гхор не пришел к стоянке Гра-ориг – ни другом, ни врагом. «Ничего, – говорил старый шаман, – еще встретимся».

Как и прежде, привольно кочевали орочьи племена по степи. Только теперь двигались они в сторону тепла, медленно приближаясь к границе с Богатыми землями…

* * *

С высоты птичьего полета это выглядело как поток серой лавы – медленно, мерно, неумолимо движущейся на запад. Здесь, на земле, это было похоже на обычное, только очень большое войско – тысячи солдат, слаженно печатающих шаг по едва просохшей после весенних дождей земле. Но если бы нашелся сторонний наблюдатель, достаточно безумный, чтобы приблизиться к стройным рядам, он сразу бы заметил странности, отличающие эту армию от любой другой. На смуглых воинах не было ни формы, ни даже доспеха – словно какая-то неведомая сила неожиданно выдернула людей из дома, оторвала от привычных занятий и поставила в строй. Одни были одеты в холщовые штаны и рубахи, по-крестьянски подпоясанные плетеной тесьмой, другие – в темные грубые костюмы мастеровых, перехваченные засаленными фартуками, третьи – в любимые мелкими восточными торговцами добротные пестрые кафтаны до колен. Попадались и те, на ком красовались дорогие шелковые или парчовые халаты, которые принято носить в кругу эмиратской аристократии. Многие вообще шли в одном нижнем белье. Кто-то попирал землю новенькими сапогами, кто-то – грубыми деревянными сабо, кто-то – щегольскими расшитыми туфлями с загнутыми носами, а кто-то шел босиком. Оружие тоже удивило бы наблюдателя разнообразием: от луков, арбалетов и

сделанных на заказ сабель благородной ковки до топоров и обычных дубин.

И лишь одно объединяло всех этих разномастно одетых, разновозрастных и явно принадлежавших к разным сословиям мужчин – выражение лиц. Бесстрастие, полное отсутствие чувств делало людей похожими на оживших кукол, холодные, тусклые, словно затянутые сонной пеленой глаза смотрели вперед – только вперед. Только звук шагов сопровождал это странное воинство. Храбрый зевака не услышал бы ни кашля, ни сиплого от усталости дыхания, вырывающегося из глоток, ни сдобренного ругательствами разговора, помогающего коротать утомительный переход. Не было и сопровождающих любое войско в походе запахов: ядреного многодневного пота, немытых мужских тел, кислой отрыжки от грубой солдатской пищи. Вместо этого малоприятного, но такого свойственного живым людям букета над воинами витал едва заметный, почти призрачный душок тления – сладковатый, смешанный то ли с ароматом увядших, начинающих гнить цветов, то ли с запахом плесени. Так пахнет воздух в старых склепах и конторах погребальных дел мастеров.

И, увидев и ощутив все это, любой, даже самый безрассудный наблюдатель отшатнулся бы в ужасе, обратился в бегство, поняв, что к границе Галатона шагает не знающая усталости, не ведающая сострадания армия не-мертвых.

В арьергарде двигались верховые отряды. Всадники – как на подбор молодые мужчины и женщины в черных походных

одеяниях, с черными повязками поперек лба. Это были шеймиды, воины-некроманты, лучшие из лучших, удостоившиеся великой чести отправиться в священный поход. Они держались примерно в фихте от основного войска – исходивший от носферату тонкий, почти неуловимый для человека запах разложения нервировал горячих андастанских скакунов.

«Конечно, для тех, кто отмечен проклятым даром богини Исдес, не составило бы никакого труда заменить лошадей умертвиями, – размышлял Ирияс Второй, наблюдая за всадниками. – Магические техники легко позволяют это сделать. Можно было бы даже создать верховых химероподобных животных, злобных, неприхотливых, не нуждающихся ни в пище, ни в отдыхе. Но ни один воин Востока не променяет настоящего коня – верного боевого товарища – на бескровную нежить. К тому же… сеющие смерть как никто умеют ценить хрупкую, преходящую прелесть жизни. Приходится считаться с традициями».

Просторный резной паланкин султана, окруженный отрядом охранников, величественно плыл позади войска на плечах четверых могучих носферату. Сам Ирияс не ощущал брезгливости по отношению к не-мертвым, считая их наиболее удобной тягловой силой. К тому же кожа каждого носильщика была обильно умащена благовониями, аромат которых заглушал любые оттенки запахов. По случаю солнечной весенней погоды парчовые шторы были откинуты, и паланкин покрывала легкая, магически обработанная

ткань, непроницаемая для взгляда снаружи, но позволяющая сидящему внутри видеть все происходящее вокруг. Откинувшись на подушки, султан прикрыл глаза, погрузившись в раздумья. Правая рука его лежала на украшенном драгоценными камнями эфесе сабли, левая рассеянно перебирала шелковистые кудри юной Роксаны – младшей и самой любимой жены. Пятнадцатилетняя красавица покорно приникла к ногам своего повелителя, боясь неосторожным движением вспугнуть его задумчивость и вызвать гнев.

Мысли текли плавно и неторопливо. Восточный эмират пал. Был взят за считаные дни. Что изнеженное веками благополучия торговое государство могло противопоставить священной ярости прирожденных воинов Андастана? Армия маленькой страны была разбита наголову, и вторжение скоро превратилось в победное шествие. Эмиратские воины и просто сильные молодые мужчины, расставшись со своими душами и подарив их энергию некромантам, были превращены в носферату – зомби с зачатками разума. Это были идеальные солдаты – ловкие, выносливые, беспрекословно подчиняющиеся хозяевам. И теперь от ехавших позади войска шеймидов тянулись невидимые нити энергетических каналов, привязывавшие не-мертвых, как поводок – собаку…

– Тебе удобно, моя нежная роза? – ласково спросил жену Ирияс.

Роксана робко улыбнулась. Поймала ладонь султана, поцеловала, прижала к щеке:

– Да, Солнцеподобный…

Она была прекрасна, эта юная женщина. Черные кудри, бархатистая смуглая кожа и – огромная редкость у андастанцев – зеленые миндалевидные глаза, опушенные длинными ресницами. Придворные поэты, воспевая робкую грацию ее движений, сравнивали султаншу с молодой газелью. Но если бы хоть один из них увидел ее прелестное лицо, которое всегда закрывали непрозрачные шелка, он почувствовал бы себя счастливейшим из смертных и посвятил Роксане гораздо более пылкие стихи. Эта красота принадлежала только Ириясу.

Однако главной ценностью жены в глазах султана являлось ее происхождение. Девушка была дочерью одного из самых могущественных некромантов, который вел свой род от первых адептов Исдес. В этой семье рождались только чистокровные пленители, отмеченные печатью великой богини. Роксана тоже обладала проклятым даром, и на ее высоком чистом лбу багровело магическое пятно. Но отец, здраво рассудив, что главное для женщины – удачное замужество, а не карьера воина, не стал развивать в дочери способность к поглощению душ. Вместо этого он предложил Роксану в жены Ириясу. С самого детства девушка знала, что предназначена Солнцеподобному. И теперь для нее не было большего счастья, чем находиться с ним рядом, покорно исполняя любые его желания.

Месяц назад Роксана сообщила венценосному супругу,

что носит под сердцем дитя. С того дня султан не расставался с женой ни на минуту, полагая, что так будет безопаснее для нее и ребенка. Он отлично знал, какие жестокие нравы царят в гареме. Даже угроза мучительной смерти (жен и наложниц, вызвавших гнев Солнцеподобного, зашивали в кожаный мешок и сбрасывали в реку) не могла усмирить женской ревности и ненависти к счастливой сопернице. А будущий ребенок был очень важен для Ирияса. Мальчик – а придворные маги подтвердили, что это именно мальчик, в котором соединилась кровь двух самых могущественных родов Андастана, – должен был стать поистине великим некромантом. И султан прочил это дитя в наследники престола.

Именно поэтому Солнцеподобный не захотел расстаться с Роксаной даже на время похода. Впрочем, он был заранее уверен в исходе войны. Конечно, Ирияс не рассчитывал, что захват Галатона пройдет так же легко, как взятие Восточного эмирата, но и непреодолимых трудностей не ожидал. Даже несмотря на то, что кампанию пришлось начать на год раньше, чем планировалось. «Мое войско имеет неоспоримое преимущество, – подумал султан, тонко усмехнувшись, – каждая смерть лишь прибавляет ему новых солдат».

Вопреки ожиданиям шеймидов, мечтавших уничтожить всех жителей Восточного эмирата, тем самым добавив себе магической силы, Солнцеподобный приказал пощадить подростков, женщин и детей. Возможно, молодые, горячие воины, пылавшие ненавистью ко всем, кто не принадлежал

к их славному племени, и мнившие своей честью убийство кьяфиров, не поняли, какие цели преследовал их вождь. Возможно. Но недаром, помимо отвращения к иноверцам, в пленителях культивировалась любовь к Ириясу, безоговорочная преданность ему и его делу. Никто из шеймидов не усомнился в справедливости приказа. Солнцеподобный в бесконечной мудрости своей всегда прав.

И он действительно был прав. Много лет изучая события прошлого, Ирияс научился предугадывать будущее, работать на него, просчитывая последствия каждого шага. Священная ярость – это хорошо. Ненависть к кьяфирам – прекрасно. Для военного времени, для юношей и девушек, составляющих основу андастанской армии. Сам же султан не испытывал никакой злобы по отношению к тем, кого не благословила своей печатью богиня Исдес…

– Глупо ненавидеть еду, не правда ли, моя красавица? – вслух произнес Солнцеподобный, обращаясь к жене.

Роксана подняла взгляд. Из зеленых очей на Ирияса смотрела сама любовь – преданная, чистая, не замутненная ни расчетом, ни сомнениями:

– Ты мудр, мой повелитель…

Может быть, он и не был мудр, но умело пользовался чужой мудростью. Некроманты питают свою силу поглощением человеческих душ – закон Исдес. Именно это продлевает им жизнь, делает могущественными. Души – своего рода еда, пища для пленителей. С полным уничтожением кья-

фиров андастанцы лишились бы энергетической подпитки в будущем. Что тогда? Со временем некроманты принялись бы поглощать друг друга. А этого нельзя было допускать ни в коем случае. Войны между адептами Исдес неизбежно вели к внутренним конфликтам, беспорядкам и безвластию. Именно это случилось во время правления Хармеза Второго. Завоевав и уничтожив все государства Срединного континента, великий султан остановился, решив, что для Андастана пришло время мирного развития. Но тот, кто хотя бы единожды вкусил чужую душу, уже не в силах остановиться. Слишком велико наслаждение, испытываемое некромантом в момент поглощения жертвы, слишком большой приток энергии дает пленение. Ошибка Хармеза привела к тому, что государство, раздираемое междоусобицами, едва не стало колонией Журжени. Султан, слишком поздно поняв, что шеймидам нужна война, решился и напал на загадочную страну. Великий журженьский мудрец Цзяо Ли, убив султана в поединке, выдвинул его наследнику ультиматум: запрещение культа Исдес либо полное уничтожение страны. Молодой правитель, да будет проклята сама память о нем, да сотрется его имя со страниц истории, согласился с этим требованием. И с тех пор вот уже несколько тысячелетий Андастан влачил жалкое существование слабого, второстепенного государства, не имевшего ни политического веса, ни влияния.

«Скоро этому унижению придет конец, – размышлял Ирияс, с удовольствием глядя на очаровательное личико же-

ны. – Скоро вся Амата склонится перед величием Андастана…»

Шеймидам нужна война – долгая, победоносная, священная. Так, и только так, они напитаются чужими душами. Нельзя, чтобы отмеченные Исдес мерились силами друг с другом. Отсюда главный постулат учения Ирияса Второго: андастанцы – высшая раса, жизнь любого из них бесценна. И пусть не у всех остался чудесный дар, пусть печатью богини отмечен лишь один из десяти родов. Ничего. Каждый мужчина-шеймид возьмет в жены несколько обычных девушек, и многие рожденные от них дети уже будут некромантами. Он, Ирияс Второй, Солнцеподобный султан, великий вождь, возродит былое могущество своей страны, взрастит новые поколения пленителей.

Но душам некромантов необходима пища, энергия для роста. И ее дадут низшие существа. Именно поэтому нельзя превращать Амату в пустую, выжженную землю, уничтожая всех кьяфиров. Нет, в захваченных государствах убивать нужно только молодых сильных мужчин, лишая страну защитников и увеличивая собственное войско носферату. А детей, подростков и женщин со стариками оставлять про запас. Пусть живут в своих городах и селах, подобно скоту на фермах. Старики и женщины будут ухаживать за детьми, работать на полях, обеспечивая себе пропитание. Дети вырастут, родят новых детей. Таким образом, источник пищи для некромантов никогда не иссякнет. В каждой стране оставить

наместника-шеймида, в каждой галатской провинции – тоже. Подкрепить небольшим войском носферату. А чтобы у низших не возникало идеи бунта, нужно слегка обработать их сознание. Не выжигать до конца, дабы не тратить энергию и не превращать окончательно в бессмысленных существ – иначе их души будут плохо насыщать. Слегка прикоснуться, подорвать волю, искалечить ум, оставив его ровно столько, сколько нужно, чтобы человек мог испытывать страх, боль и страдание – самые лакомые чувства для некроманта. Уничтожить культуру, науку, искусство – впрочем, какая культура у низших? – жалкое подобие. Превратить кьяфиров в расу дураков, способных лишь добывать еду, жрать, спать и совокупляться. Пусть полуразумный скот плодится и размножается: Андастану нужна пища.

После войны придется ввести разумные ограничения на пленение душ. Каждый некромант будет иметь право поглотить определенное количество низших. Впрочем, Амата так велика и ее населяет такое множество людей, что высшей расе не грозит энергетический голод.

«Только не Журжень», – подумал Ирияс, заскрипев зубами при одном воспоминании об этом загадочном государстве. Его древняя цивилизация хранила великое множество тайн, среди которых была и удивительная сила магов-мудрецов. Солнцеподобный хорошо понимал, что всей мощи его армии не хватит на то, чтобы справиться с воинами Журжени. Но эта страна всегда была замкнута в себе, и султан на-

деялся, что она не станет вмешиваться в войну. Хотя бы на первых порах, пока некроманты не наберут достаточно сил. Он уже отправил к журженьскому императору послов с предложением нейтралитета.

– До границы осталось пять майлов, Солнцеподобный, – подскакав к паланкину, доложил стройный чернобородый всадник.

– Привал на два часа. Отправляйте лазутчиков.

Над войском не раздалось ни одного звука, но зомби, повинуясь мысленному приказу своих хозяев, остановились. Шеймиды спешились, пустили коней пастись по молодой траве, расположились на отдых. От их отряда отделились двое – мужчина и девушка. Отойдя в сторону, обернулись лицом к западу – символу угасания, опустились на колени. Некроманты творили молитву Исдес, испрашивая благословения на волшбу. Несколько минут спустя они поднялись: смуглые красивые лица приобрели благоговейное выражение, черные глаза сияли фанатичным блеском. Сложив руки перед лицом, маги принялись читать заклятия. К ним молчаливой цепочкой потянулись носферату. Некроманты проводили ладонью над головой каждого зомби, и те становились словно бы полупрозрачными, сливались с окружающим пейзажем. Наблюдая за магическим действом, султан довольно кивал: конечно, на то, чтобы сделать отвод глаз от целого войска, энергии шеймидов не хватит. Да это и бессмысленно: на глаза человека, находящегося на расстоянии меньше

трех шагов от объекта волшбы, отводящие чары почти не действуют. Но вот для того, чтобы лазутчики подобрались к границе незаметно для вражеских постов, это заклятие просто незаменимо.

* * *

Лучи предвечернего солнца ласково касались реки, щедро украшая золотыми бликами ее быстрые воды. Напоенная впадавшими в нее маленькими хлопотливыми ручьями, полноводная после весенних дождей, трудолюбивая Тиарин весело бежала по долине между зазеленевшими берегами, спеша поделиться живительной силой с виноградниками, которыми так гордился Солнечный край. Считалось, что своим волшебным вкусом, пьянящим ароматом и сочностью здешний виноград обязан именно особой речной воде. Старинная легенда гласила, что Тиарин зародилась от слез Ат-таны. Добрая богиня, спустившись однажды на иссушенную землю Солнечного края и увидев чахлые растения, заплакала. И там, где упали ее слезы, появилась река – чистая, прозрачная, прохладная, не иссякающая даже во время засух, нередко случавшихся в этой жаркой провинции. Ее вода обладала удивительными свойствами: она была очень вкусна, и один глоток утолял жажду на целый день. Будучи закупорена в сосуд, она сохраняла свежесть в течение многих лет. Целители набирали воду для лечебных целей – промытые ею раны

никогда не воспалялись и быстро заживали. Поговаривали даже, что благодаря купанию в Тиарин девушки Солнечного края все как одна очень красивы, а женщины не знают горя бесплодия. Так это или нет, но в провинции действительно большинство семей были многодетными.

Полное название реки на древнегалатском звучало как Тиарин Ат-тана – слеза Ат-таны. Впрочем, местные жители любовно именовали ее Лозинка, в честь виноградной лозы – главного богатства Солнечного края.

– Эх, красота! – мечтательно протянул Сид, любуясь сверкающей на солнце водой. – Окунуться бы сейчас…

– Скоро окунешься, парень, – проворчал Вартон, толкая напарника в бок. – Скоро мы все окунемся, задери меня блоха! Не туда смотришь!

Сид неохотно развернулся и воззрился в обратную сторону – туда, где ровным нежно-зеленым покрывалом лежали бескрайние поля Восточного эмирата. Строго говоря, галатские аванпосты стояли уже на территории этого государства. Правители эмирата – мирной торговой страны – никогда не возражали против наличия строений, принадлежавших могущественному соседу. Вот уже несколько веков башни пустовали. И только недавно на всех аванпостах появились дозорные.

«Зачем сунули молодого на сторожевую, задери его блоха? – думал Вартон, со странной смесью раздражения и жалости глядя на курносое, с румяными, по-детски округлыми

щеками лицо молодого солдата. – Щенок же еще, никакого понятия…»

Сам Вартон Хелл, сорокалетний худощавый человек, капрал, больше половины жизни отслуживший в имперских волках, прекрасно понимал, чего нужно ждать от сегодняшнего дня и какую цену придется заплатить за невнимательность. И он пристально, до боли в глазах всматривался в слабенький, исцарапанный увеличивающий экран третьей сторожевой башни, зная, что вскоре может появиться на горизонте, и одновременно молясь о том, чтобы это никогда не появлялось.

– Дядь, а дядь, – мальчишка потянул его за рукав, – а ты некромантов видел?

– Я тебе не дядь, а капрал Хелл, – не отрывая взгляда от магического стекла, сквозь зубы процедил Вартон. – Если бы я их видел, то сейчас с тобой бы не стоял.

– А зомбей видел? – не успокаивался Сид.

– Видел. – Капрал сплюнул вниз.

– Страшные?

– Да уж не А'нхелли.

Парень вытаращил и без того круглые голубые глаза, отчего лицо его приобрело то ли испуганное, то ли разочарованное выражение:

– А я не видел…

– Насмотришься еще, – буркнул Вартон, – и на зомби, и на некромантов.

– Думаешь, они точно придут? Точно-точно?

Капрал глубоко вдохнул, собираясь гаркнуть во всю глотку, чтобы приструнить сосунка, не имеющего ни малейшего понятия о воинской субординации. Но, покосившись на курносую простодушную физиономию, над которой топорщились белые как лен волосы, неожиданно для себя выдохнул и ответил с несвойственной ему терпеливостью, чуть ли не по слогам, будто увещевая малое дитя:

– В гарнизон войска стягивают. Объявлена полная боеготовность. По всей провинции солдат вербуют. Новичков, таких как ты вот. На запасных аванпостах восточного берега часовых выставили. А с войсками маги учения проводят, рассказывают, как с зомби справляться. Значит, некромантов ждут. Понятно?

– Ага. – Сид поскреб белобрысый затылок и спросил: – Дядь, а что такое аванпост?

– Башня это, башня, задери тебя блоха! – взревел Вартон. – Слушай, откуда ты взялся такой бестолковый?

– А из Подпалины, – ничуть не обидевшись, широко улыбнулся мальчишка, – это деревня такая. Здесь, неподалеку. Там виноград выращивают.

И снова что-то екнуло в груди капрала. Он, всегда нещадно гонявший молодняк, никому не дававший спуску, почему-то не мог заставить себя приструнить этого нелепого паренька. «Старею, что ли?» – сердито подумал Вартон и, сам того не желая, спросил:

– А чего тебя в солдаты понесло? Сидел бы в своей деревне, сеял виноград…

– Виноград не сеют, – рассмеялся Сид.

– Ну полол бы, что ли, задери тебя блоха. А ты, понимаешь, на войну подался.

– Империю защищать, – доверчиво поделился парень. – Нас трое у матери. Старший, Сторк, уже три года в кавалерии служит. Капрал, как ты, дяденька. – В голосе Сида явственно прозвучали горделивые нотки. – Средний, Велин, – год в секачах. Ну а я что, хуже? Империи нужны воины, а в деревне скучно.

– Да уж, без тебя империи просто никуда… – пробормотал капрал.

Сколько этому курносому юнцу – восемнадцать? семнадцать? У него, у Вартона, вполне мог бы быть сын такого возраста. Мог бы. Да нету. Воинская служба не располагает к тихой и спокойной семейной жизни. Двадцать лет назад он ушел из родной Большой Перчинки в поисках приключений. Так же, как Сид, мечтал служить империи. И он честно служил. Четыре года в колониях Южного континента, еще пять – в Лесном крае. Потом здесь, на границе с Восточным эмиратом. Джунгли, дикари, стычки, вылазки белоглазых, ранения, смерти друзей. Учения, побудки, молодое пополнение, муштра, еще муштра. И снова смерти, уже этих, молодых, которых он обучал. Дряхлые, разваливающиеся крепости, спивающиеся от тоски офицеры; холеные пу-

затые чиновники, изредка наведывающиеся с проверками из столицы; вечно задерживающиеся обозы с продовольствием, плохая жратва, от которой бурчит в брюхе; мизерное жалованье; ноющая боль в старых ранах. Служба империи, задери ее блоха! Самое смешное, что теперь Вартон уже не понимал, зачем потратил на нее целых двадцать лет. Но зато знал: он дослужит до сорока и уйдет. Уйдет в село Большая Перчинка, тихая жизнь в котором когда-то показалась ему пресной. Вернется в родной дом, где ждут его старики-родители. Отдохнет, подлатает жилище, наверняка обветшавшее за время его отсутствия, от души выпьет старки с соседями. А потом выберет скромную хозяйственную девушку и женится. А что? Он еще вполне крепкий и сильный. И у него будут дети. Обязательно будут.

Но в день своего сорокалетия капрал узнал: возвращаться некуда. Большой Перчинки больше нет. Нет ни матери, ни отца, ни сестры, ни соседей, ни хозяйственной девушки. Какая-то заезжая некромантка превратила всех селян в зомби. Он не успел.

Именно в тот день для капрала Хелла и началась война с Андастаном. Потом, позже, воинов отправили на проверку всех деревень Солнечного края. Как оказалось, здесь тоже успели поработать некроманты. Пять сел сделались обиталищами живых мертвецов. Вартон сам попросил, чтобы его послали на зачистку. Он хотел видеть зомби. В четырех деревнях неупокоенные так и не встали из своих убежищ, и

их просто сожгли. В пятой андастанский маг перед уходом зачем-то поднял своих слуг и приказал им сражаться с живыми.

Прежде чем снести голову своему первому зомби, капрал взглянул в его глаза. Он и сам не понимал – к чему. Но этот мертвый, ничего не выражавший взгляд перевернул душу Вартона. Такими же бессмысленными тварями, покорными воле андастанского мага, стали те, кто был ему дорог. Теперь он знал, для чего тогда, двадцать лет назад, ушел служить империи. Для того чтобы сегодня убивать некромантов. Он осознавал, что, погибнув в сражении с ними, скорее всего, и сам будет превращен в бездушное нечто, омерзительную карикатуру на человека. Но не боялся этого. Главное, расправиться с магами – источником грязной волшбы. А там уж, рассудил Вартон, зомби, лишенные хозяина, наверняка помрут окончательно.

Капралу нечего было терять. Душу снедала ненависть, успокоить которую можно было только одним способом – уничтожая андастанцев. Но вот молодых необученных парней вроде Сида ему было по-человечески жаль. Пропадут же не за ломаный гент!

Вартон сам вызвался стоять на аванпосте восточного берега Тиарин. Был уверен, что успеет подать сигнал и уйти, переправиться к своим. Ну а если и не суждено будет опередить вражье войско – что ж, останется здесь и постарается захватить с собой хотя бы одного андастанца. Но лейтенант

зачем-то навязал ему этого малолетнего крестьянина, и теперь придется отвечать не только за себя…

– Дядь, покажи амулет. – Голос Сида вырвал капрала из тяжких раздумий.

– Какой еще амулет?

– Да тот, что караульным на башне положен! – выдал парнишка, победоносно взглянув на старшего товарища. Мол, мы тоже кое-что в службе понимаем!

– Сигнальный амулет хранится у старшего по званию, – отчеканил Вартон.

– Ну, дядь, ну покажи, жалко, что ли? Я ж не видел никогда!

– Не поло… – начал было капрал, до боли в глазах всматриваясь в даль, но отчаянный крик Сида и раздавшийся следом звук падения заставили его, схватившись за меч, отпрянуть от экрана.

Мальчишка сидел на каменном полу, зажимая рукой левое плечо. Сквозь побелевшие от напряжения пальцы сочились струйки крови. Подвывая от ужаса, Сид не отрываясь смотрел на смуглого человека в яркой шелковой одежде, который медленно, крадущимся беззвучным шагом подбирался к Вартону. В руке незваного гостя хищно блестел длинный кинжал. «Андастанец! – пронеслось в голове. – Но откуда? Как пробрался?»

Лазутчик совершил длинный прыжок, нацелив острие кинжала в грудь капралу, но тот встретил врага быстрым вы-

падом. Клинок вспорол живот андастанца, и Вартон, освобождая меч, ногой отшвырнул человека назад, к люку, из которого уже показалась черноволосая голова второго воина. Молча, без единого стона, лазутчик рухнул вниз, увлекая за собой и своего товарища. Капралу хватило одного мимолетного взгляда в его лицо. Он уже видел такие неподвижные, бесстрастные лица. Тогда, в деревне, полной неупокоенных мертвяков… «Зомби, задери меня блоха, зомби! Как прошли незамеченными? Какая-то клятая некромантская волшба…»

– Мертвый… он совсем мертвый, дяденька, – обретая дар речи, заверещал Сид.

– Вставай.

Паренек отрицательно затряс головой, упираясь ногами в пол и пытаясь отползти как можно дальше от люка. Он в панике оглядывался, инстинктивно ища надежное убежище на круглой, продуваемой всеми ветрами площадке сторожевой башни. Но кроме стоящего по центру плоского, грубо вытесанного из камня куба, напоминающего алтарь для жертвоприношений, здесь не за что было спрятаться.

– Вставай, мать твою за ногу! – зарычал Вартон, подскакивая к нему и поднимая за шиворот. – Вставай, солдат! Приказываю оборонять аванпост!

Водрузив Сида на ноги, капрал ринулся к люку, из которого опять вылезал тот же недобитый зомби, и аккуратно снес нежити голову. Теперь уже по-настоящему мертвое тело, об-

мякнув, упало вниз, а голова покатилась по полу и остановилась у ног перепуганного парня, словно мяч – любимая игрушка каждого мальчишки.

– Мертвый, мертвый, – заблажил Сид. На форменных темно-зеленых штанах расплылось мокрое пятно.

– Отставить нытье! – Вартон залепил новобранцу тяжелую оплеуху. – Дерись, щенок! Дерись, если не хочешь сдохнуть!

Глаза Сида приобрели осмысленное выражение. Он все еще продолжал бояться, но истерика, отнимающая силы и разум, ушла, уступив место жажде жизни. Он потянул из ножен меч.

– В экран гляди! – крикнул ему капрал, кидаясь навстречу новому лазутчику.

Этот зомби был широк в кости и силен. В отличие от предшественника он был вооружен мечом, с которым, похоже, умел обращаться. Мертвец пригнул голову, пропуская над собой клинок Вартона, взметнулся в стремительном зверином прыжке и тяжело опустился на площадку. «Мечником был, задери его блоха», – с ненавистью подумал капрал, совершая резкий выпад. Зомби, ничуть не заботясь о целостности своего тела, даже не стал уклоняться. Напротив, он пер напролом, словно нарочно подставляясь под удар. Вартон прекрасно понимал, что мертвец, которому не страшны никакие раны, только и ждет, когда противник вонзит в него меч. Этот момент стал бы удобным для расправы с живым. Поэтому капрал медлил, уходя от атаки, но не отвечая на

нее. Ему ничего не оставалось, кроме как метаться по площадке, выжидая, когда зомби совершит неловкое движение, «открыв» шею. Но надежда на это таяла с каждым мигом: мертвец сражался как опытный воин. Счет шел на секунды. Кто знает, сколько еще неупокоенных поднимались сейчас по лестнице? Краем глаза Вартон заметил, как что-то быстро покатилось по полу.

– А-а-а-а-а! – Вопящий клубок ударил зомби сзади под коленки.

Не-мертвый мечник упал навзничь. Капрал коршуном налетел на противника и обрушил клинок на его шею. Из-под тяжелой туши, жалобно поскуливая, выбрался взъерошенный Сид.

– Молодец, парень! – крикнул Вартон. – Хватай его!

Подняв обезглавленное тело за руки и за ноги, воины поднесли его к люку. Капрал взглянул вниз и увидел еще двух зомби. Похоже, их было много, и живых спасала лишь узость лестницы, по которой могли одновременно подняться только два человека.

– Давай!

Воины раскачали труп и с силой швырнули его в люк. Оттуда раздался шум: мертвецы, сбитые с ног, покатились вниз. «А новичок ничего, – мимоходом подумал Вартон. – Справится. Хоть и обмочился сначала…» Быстро осмотрев левое плечо паренька, он оторвал полосу от своей рубахи и наскоро забинтовал глубокую рану.

– Ничего. Ничего. До свадьбы заживет…

– Дядька! – прошмыгал Сид, трясущимся пальцем указывая на экран.

Снизу доносилась возня. Зомби, перебравшись через обезглавленное тело мечника, снова упорно ползли вверх.

– Смотри! – отрывисто бросил Вартон и, оставив новобранца возле люка, подбежал к магическому стеклу.

Увиденное заставило его длинно присвистнуть сквозь стиснутые зубы. На Солнечный край катилась бесконечная темная волна. Мертвое войско… Такое огромное, что казалось, ему не было конца. Последние его ряды терялись где-то за горизонтом.

За спиной заорал Сид.

– Держись! – крикнул капрал, хватая висящий у пояса кисет.

Быстрее. Быстрее. Достать сигнальный амулет. Вот он – плоский, как речная галька, прозрачный кругляш, внутри которого мерцает красная искорка. Положить на стоящую в центре площадки каменную плиту. С силой ударить по стеклу, хрупкому на вид, но прочному на поверку. Вартон размахнулся и от всей души шарахнул кулаком по амулету. Руку пронзила боль, но клятая штука выдержала. «Маги, задери их блоха, что-то перемудрили с прочностью…»

Снова пронзительно закричал парнишка. Вартон поднял меч, прищурился, на мгновение замер и опустил клинок на безобидно поблескивающую на солнце стекляшку. Амулет

распался на две ровные половины, выплюнув из себя крохотный алый шарик. Секунду повисев в воздухе, он вдруг начал стремительно расти, разбухать, пульсировать и наконец раскрылся подобно бутону диковинного цветка. В небо ударил оранжевый огненный смерч, окутанный каким-то тяжелым, плотным черным дымом, который не рассеивался даже под порывами ветра. В ответ над противоположным берегом взвился такой же столб бешено вращающегося пламени. «Успел, – с отчаянной радостью подумал Вартон. – Теперь ребята знают…»

Капрал рванулся на помощь Сиду, который неуклюже, но очень энергично размахивал над люком мечом, до сих пор умудряясь сдерживать двух мертвяков. Конечно, парню повезло: эти зомби, очевидно, при жизни не отличались особыми воинскими умениями. Тем не менее его упорство заслуживало уважения. Одна тварь норовила поднырнуть под клинок новобранца и выбраться на площадку, но ей не хватало ловкости. Вторая – вцепилась обеими руками в край лаза, безуспешно стараясь подтянуться наверх. Воспользовавшись тем, что Сид, разгоряченный сражением, подошел слишком близко к краю, зомби схватил его за ногу и резко дернул, увлекая за собой. Мальчишка упал на спину, выронив меч. Этот момент мог стать завершением его военной карьеры, если бы вовремя подоспевший Вартон не отрубил нежити руку. Капрал снова поднял Сида за шиворот. Пока новобранец, от омерзения и ужаса нелестно поминая всех

известных богов и демонов, отрывал от своей штанины цепкую кисть, его товарищ расправился с обоими неупокоенными.

– Выдержал! Мужик! – одобрил он тяжело дышавшего мальчишку. – А теперь пошли. Надо выбираться отсюда.

– А если там, внизу, нас ждут, дядь?

– Зомби-то? А как же? Наверняка ждут.

– Так, может… – Сид с надеждой указал на сигнальную плиту, над которой гудел огненный вихрь. – Подтащим и поставим на люк…

– А дальше что? Обложат нас тут, как зверей в логове, даже выкуривать не будут. Сами от голода сдохнем. Или некроманты какой волшбой собьют. Нет, к своим прорываться надо.

Новобранец обреченно кивнул.

– Не кисни! – на всякий случай прикрикнул Вартон и добавил: – Пойдешь позади меня. Держись в паре шагов, под меч не подлезай.

Достав из щели под сигнальным камнем запасной факел, капрал бесцеремонно ткнул им в магическое пламя. Промасленная пакля мгновенно вспыхнула. По очереди они шагнули на узкую, серпантином вьющуюся по стене лестницу и медленно двинулись по ступеням, каждый миг ожидая нападения и почти физически чувствуя под собой гулкую пустоту, в которую так просто было рухнуть, сделав лишь один неверный шаг. Факел создал вокруг людей маленький ост-

ровок света, на сыром камне заплясали жутковатые гротескные тени. Темнота впереди угрожающе вспучилась, сгустилась в неясные пятна, которые выступили навстречу воинам. Очевидно, андастанский некромант, пославший к аванпосту своих слуг, внедрил в их сознание или в то, что его заменяло, четкую задачу – помешать караульным подать сигнал о приближении врага. С основной миссией зомби не справились, но зато усердно приступили к выполнению второстепенной, которая заключалась в собственно уничтожении воинов.

Дорогу заступил широкоплечий мертвец в военной форме, вооруженный двумя короткими мечами. За его спиной угадывались силуэты других зомби. «Слава Лугу, что вниз идем, хоть какой-то шанс…» Это была последняя четко выраженная мысль, посетившая сознание Вартона. Дальше он действовал, повинуясь звериному инстинкту выживания и интуиции опытного бойца. Резким, коротким тычком сунуть факел в лицо мертвяку. Шипение, вонь опаленной плоти. Движения зомби замедлились, сделались неуверенными. Глаза выжег. Хорошо! Рубануть мечом по шее. Обезглавленное тело рухнуло на ступени. Капрал шагнул вперед. Второй. Удар факелом по лицу, взмах меча. Отлично! Третий. Снова огнем в неподвижную физиономию. Зомби отшатнулся, потерял равновесие, и Вартон пинком отправил его вниз, в колодец башни. Шаг. Еще шаг. И еще зомби, и еще. Он выстоит, прорвется и вытащит мальчишку. Умирать? Еще рано. Не так. Не здесь. Не сейчас.

Вартон потерял счет времени, сражался молча, стиснув зубы, по трупам прокладывая себе путь к свободе. Спуск подходил к концу, казалось, освобождение уже рядом, когда, поскользнувшись на луже слизи, выплеснувшейся из шеи очередного изрубленного зомби, капрал упал навзничь. Тут же над ним взметнулся кривой клинок, и Вартон с каким-то тоскливым равнодушием понял: вот он, конец. Все же им не суждено выбраться отсюда. Но сабля, столкнувшись с мечом, издала разочарованный звон и, выбитая из руки мертвяка, упала в колодец.

– Вставай, дяденька! – проорал Сид, подхватывая факел и перепрыгивая через капрала.

Новобранец отбивался как мог, дрожащим голосом выкрикивая молитвы Лугу. Он не сумел отрубить голову обезоруженному зомби, но зато столкнул его с лестницы. Вартон вскочил на ноги и бросился Сиду на помощь. Успел вовремя: здоровенный мужик, которому мальчишка умудрился изрядно подпалить лицо и выжечь глаза, принялся беспорядочно размахивать боевым топором, едва не раскроив парня пополам. Капрал ловко задвинул Сида за спину, шагнул вперед, уклонился от удара и рубанул по толстой шее…

То ли опальный бог внял словам Сида, решив, что солдатам еще рано отправляться в Счастливые долины, то ли чудо, на которое надеялся новобранец, было явлено кем-то другим. А может, и вовсе не было никакого чуда… Но они выбрались из башни – израненные, покрытые своей кровью

и черной густой слизью, которая текла в жилах зомби, измученные и усталые, но живые. Солнце уже касалось горизонта, разливая по краю неба кроваво-красный тревожный закат.

– Неужто… мы дошли? – Бледный, едва держащийся на ногах Сид растянул толстые губы в счастливой улыбке.

– Не знаю, – мрачно ответил капрал, глядя на восток.

Оттуда бесконечным потоком, словно голодная черная саранча, пожирающая все на своем пути, надвигалось андастанское войско. Оно было совсем близко, на расстоянии не более майла.

– Бежим! – заорал Вартон.

Схватив мальчишку за рукав, капрал потянул его к берегу Тиарин. Не разбирая дороги, спрыгнул с крутого, почти отвесного склона, увлекая за собой Сида. Мелкие камешки осыпались под ногами, подошвы заскользили по влажной земле. Совершив несколько длинных неуклюжих скачков, воины не удержали равновесия и кубарем покатились вниз.

Несколько секунд спустя капрал обнаружил себя лежащим на мелководье, рядом с большим серым камнем, о который чудом не размозжил голову. Кряхтя от боли в ушибленной спине и яростно желая некромантам совершить непристойный акт со всеми зомби их войска, Вартон поднялся и огляделся в поисках Сида. Парень лежал неподалеку, уткнувшись лицом в серый речной песок, и на какое-то мгновение капралу показалось, что он мертв. Воин склонился над новобранцем, перевернул его на спину, встряхнул за

плечи. Сид со стоном открыл глаза.

– Идти сможешь?

– Да… – Опершись на плечо Вартона, мальчишка с трудом встал.

Капрал двинулся вниз по течению, почти волоча на себе обессиленного потерей крови, измученного в первом бою Сида. Благо идти долго не пришлось: в сотне шагов от того места, где упали воины, прятались под ветвями плакучей ивы маленькие мостки. Зайдя по грудь в холодную, еще не напитавшуюся солнечным теплом воду, Вартон отвязал от деревянной опоры двухместную лодку. Подсадил мальчишку, взобрался сам, оттолкнулся веслом от мостка:

– Поехали…

Капрал усердно заработал веслами, борясь с веселым течением широкой Тиарин. От сердца немного отлегло: вроде бы главная опасность позади. Он еще успеет повоевать и, дай Луг, убьет хоть одного некроманта…

Когда лодка уже достигла середины реки, на восточном берегу появились не-мертвые солдаты андастанского войска. Слегка оклемавшийся Сид, обернувшись, внимательно рассматривал замерших в ожидании приказа зомби.

– Как же они перебираться будут, а, дяденька? Вон их как много, на всех плоты не построишь…

Словно в ответ на его слова, первые ряды нежити двинулись вперед. Повинуясь чьему-то приказу, твари шагали с обрывистого берега, четко, уверенно, будто ожидая ощутить

под ногами не воздух, а твердую землю. Падали, скатывались по склону, поднимались и заходили в реку. Следом за первым рядом отправился второй, за ним – третий… Вскоре воды Тиарин вскипели от сотен… тысяч не-мертвых воинов, плывущих на западный берег.

Капрал с удвоенной силой налег на весла, хоть лодка и находилась на безопасном расстоянии от зомби. Сид застыл на корме, не отводя глаз от происходящего.

– Не догонят, не бойся, – сказал ему Вартон, решив, что парень напуган.

– Лозинку… опоганили… – с трудом выдохнул новобранец и разразился длинным грязным ругательством.

В голосе Сида звучала такая злоба, такая безумная ненависть, что капрал только молча кивнул. Он хорошо понимал, что сейчас чувствует мальчишка.

Твари вошли в реку. В его реку. В добрую, волшебную Лозинку, рожденную от святых слез матери богов. В Лозинку, питающую своими водами виноградники, дорогие сердцу каждого крестьянина Солнечного края. Скоро они выйдут на берег и начнут убивать людей. А следом за ними явятся некроманты. И если не остановить эту мразь, не уничтожить ее, она двинется дальше, прошагает по деревням и селам, сея смерть и разрушение. Превращая всех обитателей провинции в зомби – тупую, не имеющую души дохлятину.

Защищать империю… впервые Сид осознал, что стоит за этими красивыми словами, которые с таким пафосом про-

износил приезжий вербовщик. Защищать империю… Империя – это не общее понятие. Не просто страна. Не далекая столица и даже не монархия, воплощающая собою власть и справедливость. Это земля. Его провинция. Это множество простых и понятных, таких родных вещей: виноградники и Лозинка, зеленые поля и аромат свежескошенной травы, ранние утра, пахнущие росой, и темные, бархатные ночи. Это люди, близкие, любимые. Друзья, соседи. Девчонка, которую провожал домой после веселых плясок и мечтал потискать где-нибудь на сеновале. И мама. Мама, которая осталась одна ждать сыновей с войны…

Днище лодки проскрежетало по камням. На берегу кипела работа. Бок о бок трудились опытные воины, молодые новобранцы и ополченцы, набранные в деревнях: пожилые мужчины и подростки. Они устанавливали вдоль воды связанные крест-накрест рогатины, укрепляя их песком, землей и камнями.

Сид легко спрыгнул в воду и побежал к берегу. Усталость, болезненность слетели с него, словно под заклинанием могущественного целителя. Перед Вартоном был человек, будто повзрослевший в одночасье на добрый десяток лет. Теперь уже капрал нисколько не сомневался: из Сида получится хороший воин.

* * *

– Рота, стройся!

Вслед за голосом капитана раздались выкрики капралов, повторяющих приказ своим десяткам и на все лады сдабривающих его поощрительными фразами вроде: «И поживей! Не телешитесь, красотки!» Третья рота второго полка имперских секачей стояла на берегу Тиарин, возле небольшого рыбачьего поселка. По приказу полковника Лириана Йеншира роты пехотинцев расположились биваками у реки на расстоянии майла друг от друга. Тиарин текла вдоль всей границы с Восточным эмиратом, и точно предугадать, в какой точке некроманты станут ее форсировать, было невозможно. Так что оставалось только ждать нападения, растянув два полка секачей по берегу Тиарин.

Основные силы были сосредоточены в баронстве Йеншир. Полковник, срочным указом императрицы назначенный главнокомандующим армии Солнечного края, счел, что его родовой замок, расположенный на небольшой возвышенности, как нельзя лучше подойдет для дислокации войск.

Третья рота, вот уже двое суток маявшаяся бездельем возле рыбацких хижин, приказ построиться восприняла с некоторым оживлением. Нельзя сказать, что кто-то из воинов горел желанием сражаться с некромантами или же вообще сражаться: секачи – народ основательный и разумный. Никто не

мечтал пасть смертью храбрых, покрыв себя при этом вечной славой. Но каждый отчетливо понимал: война неизбежна, а в этом случае уж лучше хоть какая-то определенность, чем томительное ожидание. Споро надевая доспех, солдаты перебрасывались короткими фразами. Худощавый высокий мужчина лет тридцати, затягивая завязки на нагруднике товарища, спросил проходившего мимо капрала:

– Далеко?

– Десять майлов, – ответил тот.

– Десять майлов в железяках! – вздохнул воин, жалобно сморщившись, отчего его узкое лицо приобрело плаксивое выражение, хотя в рыжих глазах плясали нахальные смешинки. – Да еще и на ночь глядя… Пока дойдем – уж вечер наступит. Эх, говорила мне мама: не ходи в солдаты, сынок!

– Разговорчики, Мих! – рявкнул капрал.

– Хорошо корсет сидит, а, Молчун? – притворно заботливо осведомился худощавый, не обратив на окрик никакого внимания. – В грудях не давит? Давай теперь ты за мной поухаживай.

Молодой светловолосый гигант, оправдывая свое прозвище, не ответил ни слова. Добродушно усмехнувшись, помог балагуру с доспехом и вскинул на плечо эспадон. Рота построилась и двинулась вверх по течению.

– Красота-то какая вокруг! – рассуждал Мих, шагавший рядом с Молчуном. – Сейчас бы сидеть на берегу, вино попивать. А рядом чтоб смазливая девчонка, да не сильно по-

рядочная…

– Да, девчонки здесь что надо! – ответили сзади. – Красотки все как одна!

– Слышь, Велин, а ты ж вроде местный? – спросил кто-то.

– Местный, – ответил за друга Мих.

– Как у вас тут девки, сговорчивые?

Молчун пожал плечами.

– Он не знает, – перевел Мих, вызвав всеобщее веселье.

– Что ж, у тебя и девчонки нет? – продолжал допытываться воин, шагавший сзади.

– Невеста, – пробасил Молчун, умудрившись произнести одно слово таким тоном, который положил конец обсуждению.

– Строгий, но справедливый, – резюмировал его друг.

Капралы не окорачивали своих подчиненных, не мешали им обмениваться шутками. Мих продолжал балагурить, иногда искоса поглядывая на своего друга, хорошо понимая, какие тяжелые думы одолевают внешне невозмутимого богатыря. В паре десятков майлов выше по течению стояла родная деревня Молчуна. Там остались его невеста, мать и младший брат. И если сегодня галатцы не удержат некромантов…

Спустя час с небольшим рота прибыла к месту сражения. Смолкали шутки, затихали разговоры. Солдаты быстро спускались по пологому западному берегу. Мих шепотом выругался, Молчун издал непонятный звук, словно пытался прочистить горло. Тиарин исчезла. Вместо прозрачных чистых

вод меж берегов кишела черная масса. Зомби. Плывущие, бредущие, выбирающиеся на берег. Тысячи и тысячи – бесконечное войско. А с противоположного склона сыпались и сыпались в реку все новые твари.

Широкая песчаная коса ощетинилась остриями рогатин. Заграждения, укрепленные камнями, поставленные плотно, так, чтобы между ними невозможно было протиснуться, не вспоров себе живот, оставляли свободной узкую полосу, по обе стороны которой, словно почетный караул, стояли ряды воинов. Твари шли беспорядочным потоком, с тупым упорством напирали на рогатины, пытаясь продраться к людям. Оставляя на остриях куски плоти, двигались дальше, выискивая проход. Выстроившиеся за ограждениями пикинеры добавляли зомби урона. Полковник Йеншир, разработавший стратегию баталии, прекрасно понимал, что, проткнув покойника насквозь, уничтожить его не удастся. Но от ран даже не-мертвые тела становились менее подвижными, а значит, уязвимыми. Пикинеры своим оружием отталкивали зомби, не давая им снести рогатины. На расстоянии фихта от воды стояли боевые маги, швыряя в бесконечное море неупокоенных огненные заклятия. Шары и молнии низвергались на головы зомби, превращая их в пылающие факелы, уничтожая сразу по нескольку тварей. На мгновение после этого в черном потоке нежити образовывалась брешь, которая тут же заполнялась новыми не-мертвыми.

Но пламя было единственным, что чародеи могли про-

тивопоставить андастанскому войску. В этом сражении не участвовали ни могущественные волшебники Совета, ни ученые из тайных лабораторий, владеющие уникальными магическими техниками, – те из них, кто выжил под развалинами Виндора, остались в столице охранять императрицу. И даже отправься маги в Солнечный край сразу после известия о нападении Андастана, они не успели бы преодолеть расстояние, отделяющее приграничную провинцию от сердца империи. Все, что сумела сделать Дарианна, – стянуть войска из близлежащих гарнизонов. Так что здесь, у Тиарин, дрались обычные ротные и полковые чародеи, и для многих из них – новичков, недавно окончивших университет, – эта битва была первой. Имелись среди волшебников и опытные ветераны, но и они мало что могли предпринять: слишком уж необычен был враг, слишком непохож на привычных неуклюжих зомби, поднятых силой демонов мрака. Здесь были не все: двадцать самых лучших, сильных, испытанных в боях магов полковник Йеншир, по одному ему известным причинам, оставил в резерве, в своем замке.

Несколько волшебников выстроились возле рогатин, заклинаниями поддерживая прочность ограждений. Если бы не их помощь, укрепления давно уже рухнули бы под могучим напором огромного войска.

Чародеи дрались честно, творя волшбу без передышки, вкладывая в заклятия всю доступную силу, не страшась гибели и не думая о поражении. Но душу каждого из них про-

бирал мертвенный холодок, сознание сверлил пугающий вопрос, которым, возможно, не задавались обычные воины: где главный противник? Где те, кто управляет всеми этими тварями? Маги понимали: самое страшное, самое непредсказуемое еще впереди. И эта битва – лишь начало, пролог перед основным действом.

Те зомби, которым удавалось найти проход на берег, попадали под клинки. Солдаты рубили мертвяков с каким-то торжествующим остервенением, но твари были сильными противниками. Гибкие и подвижные, не уступавшие в ловкости живым, они дрались, несмотря на раны, и падали, только когда их обезглавливали. Это выглядело словно воплощение чьего-то кошмарного сна: стремительные воины, с равнодушными, несмотря на чудовищные увечья, лицами, неумолимо надвигающиеся на людей. Немолодой мечник, сражающийся левой рукой, тогда как вместо правой из плеча торчал косо разрубленный осколок кости. Юноша лет восемнадцати в богатой шелковой одежде, изящный и хрупкий, словно эльф, управляющийся с двумя саблями с такой скоростью, что полет клинков слился в воздухе серебристым полотном. Он был бы красив, если бы не вырванная нижняя челюсть, болтающаяся возле груди на тонкой полоске кожи и вываленный из-под нее синий язык. Мужчина с перебитой спиной, червем извивающийся на земле и пытающийся вцепиться зубами в ноги воинов. Многие зомби были хорошими фехтовальщиками, а отсутствие чувства боли делало их неуязви-

мыми для всех ударов, кроме удара по шее.

Прозвучал короткий приказ – и третья рота выстроилась по левую сторону прохода, за спинами мечников. Уставшие воины шагнули назад, уступая поле боя мастерам двуручников.

«Никогда не видел такого странного сражения», – вдруг, сам не понимая почему, подумал Мих, поднимая эспадон и делая шаг вперед. И лишь потом, много часов спустя, во время короткой передышки, он сообразил, чем вызвана такая мысль. Это была молчаливая битва. Мертвые дрались, не издавая ни звука, и живые словно подражали им. Не было ни боевых кличей, ни упоминаний Луга, ни даже ругательств. Над Тиарин раздавался только звон оружия да натужное хэканье мясников, с которым солдаты обрушивали мечи на шеи зомби. Люди как будто берегли родные слова, не хотели марать их о нежить, не достойную ни проклятий, ни грязных выражений, – молча дрались, падали и умирали, а на их место так же молча заступали новые воины.

Но все это Мих понял потом. Сейчас же он просто мерно, скупыми отточенными движениями поднимал и опускал двуручник, рассекая мертвяков пополам. Неподалеку бился Велин, вокруг которого быстро образовались груды уже по-настоящему мертвых тел.

Третья рота, единственная во всем полку вооруженная эспадонами, растянулась редкой цепью на расстоянии трех шагов друг от друга, так чтобы у каждого мечника имелось ме-

сто для размаха. Размеренно вздымались мечи, и с каждым их ударом на землю падала поверженная тварь. Вскоре проход был завален горами изрубленных зомби. Но и эти курганы искалеченной плоти были каплей в море по сравнению с той мощью, которая надвигалась на берег. Мертвецы рвались вперед, задние напирали на передних, шагали по распростертым телам обезглавленных, чтобы выполнить приказ хозяев – уничтожить галатцев.

Сверху в поток тварей посыпался дождь тяжелых болтов – к месту сражения подошли роты арбалетчиков. Болты пробивали зомби насквозь, оставляя в груди огромные дыры, раскраивали черепа. Движения неупокоенных делались неуверенными и неуклюжими. Несмотря ни на что, они шли дальше, натыкаясь на рогатины, на пики, и заканчивали свое существование под клинками мечей.

Некоторое время казалось, что победа будет на стороне галатцев, что люди сумеют справиться с натиском зомби, несмотря на их огромный численный перевес. С юга и севера подходили новые подразделения пехоты, с минуты на минуту из баронства Йеншир должны были прибыть основные войска. Но вдруг армия нежити отхлынула от рогатин, расступилась в стороны, повинуясь чьей-то могущественной злой воле. От восточного берега отделился маленький плот, на котором стоял всего один человек, и плавно двинулся вперед, то ли управляемый волшбой, то ли бережно поддерживаемый зомби, которыми кишела Тиарин. Достигнув сере-

дины реки, плот остановился. Наверное, у каждого из магов, настороженно наблюдавших за одинокой неподвижной фигурой, в этот момент защемило сердце.

– Вроде бы женщина, – присмотревшись, удивленно пробормотал молодой чародей, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Не женщина. Некромантка, – сурово поправил его полковой маг – угрюмый мужчина с черной бородой. – Объединить силы. По моему сигналу…

На плот обрушилось заклинание Железного кулака, напитанное энергией всех волшебников. Казалось, оно должно смести, раздавить, разметать в куски хрупкую девичью фигурку, выглядевшую такой беззащитной и беспомощной. Но чары, даже не задев женщину, обогнули ее и истаяли в воздухе, бесследно рассеявшись над поверхностью невидимого, но мощного щита. В ответ некромантка резко взмахнула рукой, словно подавая своим покорным слугам сигнал к началу настоящего сражения.

– Лля-эрриа Исди-и-ис! – пронесся над рекой ее звонкий, пронзительный крик.

Не было ни воздушного удара, ни стены пламени. Воды реки не выплескивались из берегов, и земля не проваливалась под ногами. Неведомая сила, порожденная то ли жестом, то ли воплем колдуньи, разрушила заклинания, поддерживающие укрепления, разметала рогатины, подхватила стоявших возле них магов и пикинеров, швырнула их на сы-

рой песок. А потом отхлынула, оставив после себя десяток перекрученных, изуродованных тел.

Не-мертвое войско, больше не сдерживаемое заграждениями, тяжелой волной выплеснулось на берег, подминая под себя людей. Некромантка снова застыла на своем плоту, который, не подчиняясь течению, так и стоял посреди Тиарин. Женщина хладнокровно наблюдала за битвой, не вмешиваясь в ее ход. Сложив руки на груди, она словно подчеркивала, что отказывается осквернять их прикосновением к неверным, оставляет всю грязную работу зомби.

Построения галатцев сломались, и живые смешались с мертвыми. На каждого воина приходилось не меньше десятка тварей. Мих, медленно продвигаясь в толпе, без устали размахивал мечом, прорубая просеку среди заступавших ему дорогу зомби. Навстречу бросился маг из третьей роты – Мих хорошо знал этого спокойного, незлобивого парня, сильного целителя, у которого всегда имелись зелья от любой напасти, будь то зубная боль или дурная болезнь, подхваченная солдатами у какой-нибудь разбитной деревенской молодки. Волшебник, будто не узнавая товарища, прыгнул на него, целясь в грудь тонким кинжалом. Мих даже не успел удивиться его дикой выходке. Разгоряченное боем сознание отметило лишь странное выражение лица целителя. Инстинкт, приобретенный за годы службы, сработал мгновенно: руки сами, как бы независимо от желания воина, совершили замах и обрушили клинок эспадона, наискось перерубу-

бив шею мага. И только потом пришло понимание: чародеи и пикинеры, убитые волшбой некромантки, превратились в зомби и теперь воюют против тех, с кем еще сегодня вместе сидели у костра, обмениваясь незамысловатыми шутками и передавая друг другу флягу со старкой.

Сражение ширилось, кроваво-грязной пеной расползалось по берегу. На Тиарин упала лунная ночь. Полчища нежити захлестывали человеческое войско, теснили, топтали, раскидывали в разные стороны. Мих давно уже потерял из виду Молчуна. Да что там, в обманчивом свете луны вообще стало трудно отличать живых от мертвых, тем более что теперь, после некромантской волшбы, любой из бывших товарищей мог оказаться зомби.

Магическая поддержка ослабела: волшебники, растратив большую часть своего резерва, начали выдыхаться, да и в такой толчее, ночью слишком велика была опасность поразить заклятием своих. Поэтому чародеи, тщательно прицеливаясь, лишь отправляли в тварей небольшие одиночные огненные шары. Воины тоже стали уставать. Измученные, израненные, они держались на последнем вздохе.

Было очевидно, что без подкрепления люди обречены: вот-вот их войско захлебнется собственной кровью, будет раздавлено непреодолимой мощью андастанской армии. «Где этот мраков полковник со своими хвалеными резервными войсками?» – злобно подумал Мих, с отчаянным упорством продолжая размахивать эспадоном. Он и сам не пони-

мал, как, за счет каких сил его руки все еще держат меч.

* * *

– Ты за ноги, я за руки. Тащим!

– Мертвый? – жалостно глядя на бледное молодое лицо, спросил Сид.

– Нет, – одышливо сопя, пробормотал Дайнус, – оглушен.

Вдвоем они вытащили из-под ног сражающихся чудом не затоптанного солдата и понесли наверх. Там, за рядами арбалетчиков, расположился походный лазарет, если можно было так назвать несколько расстеленных на земле одеял. На них вповалку лежали раненые, над которыми хлопотал совсем юный худенький целитель. В распоряжении мага имелась сумка с заживляющей мазью, бинтами и обезболивающим зельем. С помощью этого нехитрого набора и пары-тройки простеньких заклинаний лекарь как умел облегчал страдания воинов для того, чтобы они могли вернуться к битве. Но чуда ждать не приходилось: в одиночку, в походных условиях целитель мог помочь только легкораненым.

– Сюда кладите, – бросил он, быстрыми ловкими движениями перевязывая плечо хмурому бородачу, на лбу которого запеклась кровавая корка.

Опустив свою ношу на землю, Сид с Дайнусом поспешили назад, в гущу схватки.

Не так себе представлял Сид участие в этом бою. Вернув-

шись со сторожевой башни, он вместе с капралом Хеллом явился к лейтенанту. Тот, недослушав рапорт Вартона, коротко кивнул: мол, и так все понятно, сигнальный огонь горит, зомби в реку прыгают. Отрывисто произнес: «На позицию, – и, оглядев Сида, уточнил: – Новобранец? Тогда в отряд милосердия».

Дайнус, увидев парнишку, хмыкнул недовольно, буркнул: «Снимай рубаху, – подлечил рану на плече и, раздраженно-жалостливо посмотрев, махнул рукой: – Теперь пошли».

Отряд милосердия… пятеро молодых парней, еще не успевших доказать свою храбрость в боях, не видевших ни крови, ни смертей. В паре с целителями, под прикрытием слабеньких магических щитов, они пробирались сквозь сутолоку сражения, вынося на себе раненых. Ползали по земле, подхватывали лежащих людей, вытаскивали их из-под ног дерущихся. Душа Сида рвалась туда, к ребятам, которые бились с ненавистными зомби. До дрожи в груди, до отчаяния хотелось рубить головы клятым мертвецам. Если бы он знал, что иногда боги смеются над людьми, осуществляя их самые горячие желания…

Поднимаясь к лазарету, новобранец успокаивал себя тем, что выполняет очень важное дело – спасает жизни воинов, сохраняет их для новой схватки. А ведь это – почти то же самое, что сражаться самому. Но вскоре Сид с ужасом понял, что обязанности отряда милосердия заключаются не только в этом.

Они доставили в лазарет уже двоих раненых, вернулись и выволокли из пахнущей смертью, кровью и ненавистью массы еще одного. Этот – широкоплечий человек лет сорока – не стонал и не подавал признаков жизни. Голова его безвольно моталась, а в груди торчал узкий кинжал, пробивший тонкую кольчугу. Дайнус, шедший впереди, не понес солдата дальше. Тяжело, не осторожничая, бросил на песок, грубовато сказал:

– Давай.

– Что? – не понял Сид.

– Руби. – Целитель перевел дыхание, пробормотал короткое заклинание, обновляющее щит, и нетерпеливо повторил: – Руби. Голову руби.

Новобранец попятился, не понимая, чего хочет от него этот испачканный в крови пожилой человек с печально-жестокими глазами то ли утомленного жизнью философа, то ли уставшего от смерти убийцы. Дайнус еще несколько мгновений смотрел на мальчишку, потом, неожиданно взъярившись, выкрикнул прямо ему в лицо, обдав запахами чеснока и старки:

– Чего вылупился, сопляк? Руби покойнику голову, или хочешь, чтобы его в зомби превратили?

Нет, он не хотел, чтобы этот незнакомый воин стал зомби и пошел воевать против своих же. Такого отвратительного посмертия он не желал никому. И надеялся, что, если его убьют, кто-нибудь возьмет на себя грязную работу, нанеся

удар последнего, страшного милосердия. Милосердие бывает разным. Но в тот момент Сиду было не до возвышенных мыслей. Просто его рука сама потянула из ножен меч…

Они вывели еще несколько раненых, а потом – снова вынесли труп, который следовало обезглавить. Их становилось все больше, убитых воинов, которых нужно было спасти от превращения в зомби. И Сид опять искал в исходящей криком душе силы, чтобы держаться, не сойти с ума, не убежать куда глаза глядят. Когда же ему показалось, что он наконец обрел мужество, Дайнус обрушил на него новое испытание. Осмотрев очередного неподвижного солдата, целитель обронил:

– Руби.

Новобранец медлил. Что-то останавливало его руку, не давало занести меч. Внимательно присмотревшись, он заметил, что грудь воина едва заметно вздымается.

– Дышит! – с облегчением воскликнул Сид. – Живой…

Он хотел сказать, что Дайнус ошибся, что этого человека нужно нести в лазарет, и радовался этому, и ощущал счастье оттого, что на этот раз спасает не посмертие, а жизнь! Но целитель грубо оборвал:

– Давай.

– Но… как же…

– Ему не выкарабкаться: тяжелое ранение в живот.

– Я не могу, – твердо произнес Сид. – Нет, я не могу.

Словно подтверждая его слова и моля о помощи, раненый,

слабо застонав, приоткрыл глаза. Новобранец склонился над ним, собираясь взвалить на спину. На плечо легла твердая рука:

– Нельзя тратить лекарства и время на того, кто все равно умрет.

– Тогда пусть умрет своей смертью!

– Агония может растянуться на несколько часов. И если некроманты застанут его еще живым, они сделают из него разумного зомби. Такого, как те. – Дайнус кивнул в сторону реки. – Быстрее. Нам нужно идти.

Вся злоба, которую новобранец испытывал к андастанским магам, к поднятым ими мертвякам, ко всему этому беспощадному миру, обратилась на грузного одышливого мага, говорившего неправильные и одновременно справедливые вещи. Его скупые, экономящие энергию движения, уверенные жесты, обрюзгшее лицо с волевым подбородком вызывали у Сида омерзение. Парень неотрывно смотрел на свой меч, и какое-то мгновение казалось, что сейчас он обратит оружие против Дайнуса. Но в словах целителя была чудовищная в своей неопровержимости логика. И, признавая ее, новобранец поднял клинок над шеей раненого.

– Не… надо… – Рука дрогнула. Глаза Сида встретились с полным муки, обезумевшим от боли взглядом несчастного. Облизнув пересохшие губы, тот едва слышно повторил в полубреду: – Не убивай, братишка…

Новобранец по-волчьи взвыл и со всей доступной ему

силой, ненавидя и себя, и свою жертву, опустил меч. Тело вздрогнуло, стоптанные солдатские сапоги в последней агонии взрыли сырой песок.

– Пошли, – безразлично произнес Дайнус.

Дальнейшее слилось для Сида в сплошную серую, расцвеченную алыми пятнами крови полосу. Давка сражения, мелькание лиц, искалеченные тела, стоны раненых, молчание погибших. И меч, его меч, все чаще и чаще поднимающийся над неподвижными воинами, словно топор мясника. Вот кем он чувствовал себя. Даже не палачом – каты обезглавливают живых в наказание за преступления. Он же рубил мертвые тела своих товарищей, как мясник разделывает туши. Добивал тяжелораненых, как забойщик скота добивает быков и свиней. Сознание, спасаясь от безумия, скользнуло под спасительный полог тупого равнодушия. Сид теперь и сам был похож на зомби: бесстрастный, с остекленевшим взглядом, покрытый чужой кровью, он механически выполнял свою работу. Вершил милосердие.

Возможно, он и дальше пребывал бы в прострации. И, случись такое, его судьба, скорее всего, повернулась бы поиному, и Сид не стал бы тем, кем сделал его этот бой. Но, пробираясь среди сражающихся в поисках воинов, которым требовалась помощь или последний удар, новобранец вдруг остановился. Ни кишащие вокруг зомби, стремившиеся пробить защиту Дайнуса, ни окрики самого целителя не могли оторвать его взгляд от представшей Сиду картины.

У самой воды бился с оравой мертвяков высокий широкоплечий человек. Железный нагрудник был измят страшными ударами, шлем свалился, открыв светловолосую голову. Каждый взмах его двуручника приносил упокоение кому-нибудь из зомби. Но на место одной зарубленной твари вставали еще несколько новых, и все начиналось сначала. Воин был силен, но любой силач когда-нибудь начинает уставать. Зомби же не знают усталости. Пока богатырь сражался с двумя мечниками, третий не-мертвый сумел обойти его со спины и замахнулся булавой. Интуитивно ощутив опасность, солдат прянул вбок, избежав смертельного удара по голове. Шипастая дубина, проскрежетав о доспех, вскользь прошлась по плечу. Клинок эспадона описал круг, развалив зомби пополам. На силача бросились сразу пятеро.

Сид со свистом втянул в себя воздух, выхватил меч и рванулся вперед.

– Куда?! – грозно выкрикнул Дайнус, хватая парня за плечо.

Не глядя, новобранец смахнул его руку и побежал туда, где дрался его брат – Велин. Пробормотав что-то о тупом молодняке, от которого неприятностей больше, чем пользы, целитель устремился следом, не забывая поддерживать над собой щит.

Сид бежал не разбирая дороги, не страшась мертвецов, хищно кидающихся на него со всех сторон. Тревога за брата придала ему ловкости. Он рубанул по шее вооруженно-

го мечом зомби, пинком отшвырнул обезглавленное тело. Не успев удивиться своим внезапно открывшимся воинским талантам, обернулся, чтобы встретить клинок нового врага. Тут везение изменило новобранцу: ему попался опытный солдат. Если бы не магический щит, вовремя возведенный Дайнусом, Сиду суждено было пополнить списки погибших. Даже не поняв, что произошло, он побежал дальше, к Велину, отчаянно надеясь помочь ему, защитить, не думая и не рассуждая о том, что он, новичок, сумеет противопоставить врагу.

Он не успел. Между ним и братом оставалось каких-то пять шагов, когда Велин упал под мощным ударом булавы. Сид заорал, но не услышал своего голоса. Мир изменился, стал будто стеклянным, странно прозрачным и нереальным. И в этом звенящем мире время тянулось мучительно медленно. Или, может быть, его вообще не было, времени. Брат падал бесконечно долго, а равнодушная луна, словно в насмешку над людским горем, серебрила своим светом его волосы, создавая над головой подобие нимба. Новобранец прыгнул вперед, прорывая тягучий воздух. Обморочная пелена спала, к нему вернулись звуки, и все вокруг задвигалось с привычной скоростью. А потом на глазах у Сида зомби набросились на Велина, как стая шакалов на раненого тигра. На мгновение тело силача скрылось под копошащимися тварями. Расправившись с воином, мертвяки разбрелись в разные стороны в поисках противников, оставив у воды истер-

занный труп.

Позже Сид не мог вспомнить, как подхватил брата, как вынес его, как опустил на песок. Все это стерлось из памяти. Очнулся он, уже сидя над телом. Нагрудник Велина был пробит в двух местах прямым ударом меча, из-под затылка медленно растекалась лужа густеющей крови. Чей-то острый, словно бритва, нож рассек шею воина от уха до уха, раскрыв горло в подобии уродливой скоморошьей ухмылки. Глаза Велина были открыты, и в них отражалась полная луна. В мутнеющем мертвом взгляде Сиду почему-то чудился упрек: не помог, не защитил, не прикрыл спину… Новобранец робко протянул руку, осторожным прикосновением опустил холодеющие веки.

– Друг? – спросил из-за спины Дайнус.

– Брат, – хотел сказать Сид, но из пересохшей, схваченной спазмом глотки вырвался только страдальческий хрип.

Странно, но целитель понял его.

– Оставь, – мрачно проговорил он. – Пусть кто другой…

Сид не ответил. Он смотрел на изуродованный труп, а видел перед собой живого Велина – такого, каким тот был раньше, в мирной деревенской жизни, которая казалась такой скучной, а теперь, в эту минуту, предстала во всей своей безмятежной красе. Он всегда был сильным, его брат, средний из сыновей матушки Тильды. Сильным, молчаливым, трудолюбивым и надежным как скала. Никто из соседской ребятни не смел задирать Сида. А если и находился смель-

чак, Велину достаточно было показать крепкий, величиной с небольшую тыковку, кулак – и наглеца как ветром сдувало.

Все подпалинские девушки мечтали заполучить Велина в женихи. Когда он шел по деревне – высокий, широкоплечий, светловолосый, – со всех сторон на него устремлялись притворно смущенные, кокетливые девичьи взгляды. Но бойких черноволосых красавиц привлекала не только и не столько молодецкая стать этого парня, не цвет его волос, такой редкий для жителей Солнечного края, и даже не сила Велина, о которой в Подпалине ходили легенды. Он обладал удивительным даром, свойственным только сильным мужчинам: настоящей деятельной добротой. Когда Велин выбрал невесту, не одна деревенская красавица тайком плакала в подушку. И как же завидовали девушки тихой скромной Хелене, на которой остановил свой выбор самый завидный жених Подпалины! Как шушукались по укромным уголкам, недоумевая, что такой парень, как Велин, нашел в маленькой, незаметной сироте. Но, увидев этих двоих вместе, все сплетницы замолкали, прикусив ядовитые язычки, – таким счастьем светились лица влюбленных.

Почему он ушел в солдаты? Сид не знал. Может быть, Велин решил, что империя нуждается в его защите. А может, хотел подзаработать денег на свадьбу.

И вот теперь брат лежал на песке, жадно впитывающем его кровь. Мертвый. Хелена не дождется любимого, и не будет веселой свадьбы. Тильда не встретит на пороге среднего

сына, и без его труда осиротеет семейный виноградник. А если Велин и вернется, то…

– Нет, – твердо выговорил Сид, вставая и проглатывая тугой комок горя.

Он был милосерден к чужим, незнакомым воинам. Так неужели отдаст клятым некромантам родного брата? Новобранец медленно поднял окровавленный меч…

* * *

Мышцы плеч одеревенели, спина, по которой ударил дубиной какой-то особо ловкий мертвяк, отзывалась на каждое движение тупой болью. Доспех казался тяжелым, словно был сделан из цельного куска камня. Глаза заливал стекающий по лбу соленый едкий пот. В груди саднило: сердце устало работать в таком бешеном ритме. Пальцы, сжимавшие рукоять эспадона, скрючило судорогой, и даже пожелай Мих разжать их, это стоило бы ему большого труда. В голове засела лишь одна странная мысль: «Скоро утро. Утром все закончится». Что именно должно произойти и каков будет исход, он не мог бы объяснить. Возможно, ему стало уже все равно, чем завершится для него эта битва. Но времени на размышления не было. И Мих продолжал драться, поднимая и опуская меч в такт размеренно повторяющимся в сознании словам: «Скоро… утро… скоро… утро…»

Он видел – или это ему показалось – Молчуна, который в

одиночку отбивался от целой оравы неупокоенных. Мих начал было пробиваться к нему, но завяз в мельтешении мертвяков. Когда же путь был расчищен, друг потерялся из виду.

Один за другим падали на песок галатские воины, и теперь уже не хватило бы даже сотни отрядов милосердия, чтобы спасти всех погибших от позорного посмертия. Вырвавшаяся из Тиарин черная волна не-мертвых захлестнула песчаную косу и, бурля, сметая все на своем пути, устремилась дальше, к рядам арбалетчиков и магов. Не разбирая дороги, твари шли по трупам, оскальзывались на покрытых кровью прибрежных камнях, падали, вставали и снова упорно лезли дальше. Маги, насколько хватало сил, сбивали зомби волшбой. Но сражение растянулось вдоль Тиарин не меньше чем на майл, и заклятия истощенных долгим боем чародеев не могли покрыть такое расстояние. Андастанская армия прорывалась на благодатные земли Солнечного края. Вот-вот она должна была снести последний рубеж обороны.

Галатцев становилось все меньше, а поток зомби не иссякал. Все новые и новые твари выползали из многострадальной Тиарин. Мих не надеялся выжить, не мечтал о победе. Он просто делал свою работу, старался изрубить как можно больше порождений некромантского колдовства: «Скоро… утро… скоро… утро…»

Вдруг что-то изменилось. Мих, дравшийся у самой кромки воды, не мог видеть причины этих перемен. Но странным образом почувствовал, как лавина зомби, почти беспрепят-

ственно катившаяся по берегу, замедлила движение, дрогнула и нехотя остановилась. С западной стороны бежали сотни воинов и вступали в бой: прибыло долгожданное подкрепление. Мих отрывисто, лающе рассмеялся. Подоспевшая помощь словно и ему придала сил. «Еще повоюем!» – решил он, не прекращая размахивать мечом, но теперь уже не ощущал ни боли, ни усталости.

Галатцы яростно врубались в стену не-мертвых тел, сдерживая их неумолимое наступление, не подпуская к невидимой линии, за которой начиналась империя. На замену чародеям, вымотанным бесконечной волшбой, пришли новые маги. Они обрушили на головы зомби шквал огненных заклятий. Тут и там твари вспыхивали факелами, на мгновение осветив картину битвы, превращались в обгорелые головешки и падали, распространяя удушливое зловоние. Битва закипела с новым ожесточением.

Бархат ночи медленно изменил цвет с черного на чернильно-синий, диск луны побледнел: близился рассвет, а вместе с ним и конец этой великой битвы. Предчувствие не обмануло Миха, и все действительно шло к завершению. Свежие силы резервных войск не сумели переломить ход сражения, а лишь продлили его агонию. Слишком велик был численный перевес андастанской армии, слишком неуязвимы были зомби по сравнению с людьми.

Первые лучи по-весеннему радостного солнца осветили жуткую картину. По мутной после перехода зомби реке плы-

ли мертвецы. Тиарин бережно укачивала на своих волнах погибших воинов, унося их прочь от места битвы, огибая застывший плот, на котором все так же стояла, наблюдая за сражением, некромантка. Серые валуны сделались красными, бурый от потоков крови прибрежный песок был завален трупами людей и обезглавленными телами зомби, и по этому страшному ковру шло андастанское войско – непобежденное, непобедимое, не-мертвое.

Оставшиеся галатцы все еще продолжали сопротивляться, маги еще отправляли в неупокоенных заклятия. Но это была лишь битва отчаяния – попытка подороже продать свою жизнь.

Некромантка свела вместе ладони и гортанно выкрикнула несколько слов. И тогда с противоположного берега прыгнули в реку несколько сотен зомби. Следом упали на воду широкие плоты. Твари вцепились в их края, удерживая, чтобы не унесло волнами. В паре фихтов ниже по течению, по широкой тропе, спустились, ведя под уздцы лошадей, молодые мужчины и женщины в черных одеяниях. По очереди они вставали на плоты, заводили коней, произносили заклятие, и бревенчатые сооружения, бережно поддерживаемые со всех сторон мертвецами, плавно пересекали Тиарин. Вместе с ними поплыл и плот следившей за людьми некромантки. Теперь, когда покорные марионетки выполнили большую часть работы, их кукловоды вышли на сцену, чтобы получить за свои труды самую сладкую награду – истекающие болью и

ужасом человеческие души.

Первым на западный берег ступил стройный черноволосый юноша, державший под уздцы двух коней. Его лицо, с тонкими нежными чертами, светилось торжественной одухотворенностью, более подходящей поэту, нежели воину. За ним с плота сошла и девушка, своей волшбой разрушившая укрепления галатцев. Хрупкая, как фарфоровая статуэтка, большеглазая, пышноволосая, она выглядела трогательной и беззащитной на этом поле боя, заваленном горами изуродованных трупов. Молодой человек подал ей поводья, и шеймиды вскочили на лошадей.

Волшебным образом картина переменилась. Больше не было ни юного поэта, ни прелестной девы, достойной вдохновлять его на стихи. Были воины – жестокие, беспощадные, не знающие ни жалости, ни сострадания. Маги – сильные, могущественные, способные творить невиданные чары. Фанатики, свято верящие в превосходство своего народа, считающие, что все остальные не должны осквернять Амату своим дыханием.

Тонконогие андастанские скакуны строптиво вздергивали породистые узкие головы, нервно раздували ноздри, чувствуя запах крови и смерти. А для их наездников это были самые прекрасные ароматы, с которыми не могло сравниться ни одно изысканное восточное благовоние. Шеймиды жадно вдыхали насыщенный этим запахом воздух, не сводя глаз с убитых и умирающих, вслушиваясь в звуки затихающей бит-

вы и стоны раненых. Впитывали чужие чувства: злобу, боль, отчаяние, ужас, наслаждались ими, становясь сильнее уже от царящей вокруг атмосферы. А сзади выходили на берег все новые некроманты.

Юноша глубоко, всей грудью, вдохнул, прошептал заклятие, выбросил вперед руки и громко, победно выкрикнул:

– Лля-эрриа Исдис!

– Лля-эрриа Исди-и-ис! – вторил ему тонкий, звенящий, какой-то ведьмачий вопль девушки.

Их волшба роем невидимых клинков ринулась к измученным, усталым галатским магам, пытавшимся сотворить заслон от некромантов, ударила, вонзилась в плоть, швырнула на землю. Шеймидка сорвала с головы черную повязку, открыв пятно, багровеющее на золотисто-смуглой коже лба, и вздрогнула, когда в нее полилась энергия плененных душ. На мгновение красавица томно прикрыла глаза, ее тонкие капризные губы приоткрылись в улыбке чувственного наслаждения. Юноша тоже упивался всплеском силы и удовольствия, которые были доступны только адептам зловещей богини. Прикоснувшись пальцем к печати Исдес, некромантка проговорила слова подчинения, указав на двух магов, которых убило ее заклятие. Несколько мгновений спустя мертвецы медленно поднялись на ноги и замерли, ожидая приказа. Армия Ирияса Второго пополнилась новыми воинами взамен уничтоженных. Шеймиды, магическая сила которых увеличивалась с каждой поглощенной душой, снова ударри-

ли заклятиями. К ним присоединились другие некроманты. Вскоре маги и арбалетчики были уничтожены.

Андастанцы разъехались в разные стороны, неспешно двинулись по косе. Выискивая оставшиеся очаги сражения, убивали галатцев, пленяя их души. Насыщались, напитывались силами, стараясь не думать о том, сколько материала загублено напрасно. Ведь каждый из тех, кого убили носферату, мог стать пищей для некромантов. Теперь же их души уже покинули тела и стали недоступны для шеймидов. Конечно, убитых можно поднять, сделав из них обычных тупых зомби – вонючих, вечно голодных, неуклюжих, годных разве что для запугивания мирного населения. Но они уже потеряны и для некромантов, и для их войска.

Не то было в Восточном эмирате. Там некроманты воевали сами и творили настоящий пир, оргию поглощения. Солнцеподобный не препятствовал этому, напротив, принял участие в насыщении душами эмиратцев. Именно их, превращенных в носферату, он и приказал отправить на форсирование реки. Султан не желал недооценивать противника. Слишком хорошим уроком стала гибель его лучшего ученика Аталлы, убитого на Южном континенте молодым галатским магом. Мальчишка каким-то непонятным образом еще и сумел поглотить душу шеймида вместе со всеми ее пленниками и силой, хотя раньше считалось, что такое действо доступно лишь истинному некроманту.

Ирияс не хотел повторения этой истории. В конце концов,

жизнь одного шеймида дороже нескольких тысяч душ. И уж точно дороже сотен тысяч носферату. Разумеется, он не стал делиться этими соображениями со своими воинами, просто отдал приказ. Молодые пленители не привыкли обсуждать волю Солнцеподобного. Но сейчас, бродя по берегу, поглощая души галатцев, видя груды трупов, не могли не сожалеть о безвозвратно утраченных возможностях.

Впрочем, им хватало пищи. Они превращали в носферату все еще сражавшихся воинов, выискивали раненых, которых не успели добить отряды милосердия. Юноша и девушка, первыми высадившиеся на землю империи, поднялись на берег, отыскали лазарет и полакомились целой сотней галатцев.

Теперь оставшиеся в живых могли позавидовать мертвым, сохранившим свои души. А те в свою очередь, умей они думать и чувствовать, испытали бы зависть к обезглавленным, чьи тела невозможно было превратить в зомби.

Первый рубеж был взят: некроманты пересекли границу империи.

* * *

Сид словно закаменел изнутри. Больше не было ни отупения, ни прострации. Только полное равнодушие и усталость. С одинаковым хладнокровием он выводил и выносил легкораненых, ловко отрубал головы погибшим и недрогнувшей

рукой добивал умирающих. Теперь, когда он обезглавил своего брата и даже не похоронил по лугианским обычаям, оставив его гнить среди трупов, парень никого не боялся и ничего не чувствовал. Он мог все: готов был и умереть сам, и убить любого. Не страшило даже превращение в зомби. Сиду было плевать на все и всех.

Опытный Дайнус, поддерживая магический щит, искоса поглядывал на юношу. Во время службы на Южном континенте он повидал много таких – молодых, зеленых, прямо из родного дома брошенных в мясорубку войны. Чаще всего они гибли первыми. Те, кому повезло остаться в живых, как правило, становились хорошими воинами. Но после таких испытаний, которые выпали на долю этого парнишки, оставалось всего два пути. Сида ждал либо скорбный дом для слюнявых недоумков, либо судьба беспощадного убийцы. Впрочем, с рассудительностью истинного философа думал волшебник, скорее всего, беспокоиться не о чем: вряд ли они выживут в творящемся безумии. Он, Дайнус, точно не выживет. Ну а мальчишка… Пожилой маг давно уже принял решение.

Сид видел, как на берег ступили первые некроманты, как превратили магов в зомби, как двинулись вдоль реки, выискивая и убивая живых и поднимая мертвых. Но продолжал обезглавливать трупы и раненых. Единственным чувством, оставшимся в душе, была ненависть к андастанцам. И он сражался с ними, выполняя свою работу, с ее помощью ли-

шая некромантов новых неупокоенных. Каждую минуту новобранец ожидал, что его заметят, ударят в грудь заклятием, а потом превратят в зомби. Он был готов к этому, надеялся лишь на то, что перед смертью успеет плюнуть в сторону колдунов. Но шеймидам хватало пищи, они старались в первую очередь поглотить души сильных воинов, поэтому устремлялись к местам жарких схваток.

– Сюда, – тихо проговорил Дайнус, указывая на груду порубленных зомби, рядом с которой сидел, держась за грудь, воин в окровавленном мундире.

Маг склонился над раненым, бегло осмотрел:

– Не жилец.

Человек с трудом поднял голову, и Сид узнал капрала Хелла. Вартон прислонился спиной к куче мертвяков, которых, скорее всего, сам и покрошил. Его худощавое, бледное как мел лицо было искажено болью, из уголка страдальчески закушенных синюшных губ стекала струйка крови. Рука, занесенная для удара, дрогнула, клинок замер в воздухе.

– Быстрее, – нервно произнес Дайнус, оглядываясь по сторонам.

Сид медлил, не решаясь добить человека, спасшего ему жизнь.

– Поторопись. – Маг толкнул новобранца.

– Я вынесу его, – решительно ответил Сид.

– Куда? Везде некроманты. А у него легкие пробиты. Говорю же, не жилец!

– Может быть…

– Не мучай… убей… – вдруг прохрипел Вартон и зашелся в хлюпающем кашле.

– Дяденька… – вдруг беспомощно, по-детски, прошептал Сид.

Синие губы раздвинулись в подобии ободрительной улыбки, открывая окровавленные зубы:

– Ничего… убей… не хочу зомбяком… и беги…

Капрал склонил голову, подставляя шею для удара. Новобранец поднял меч, приказывая руке не дрогнуть, чтобы смерть Вартона была мгновенной, мысленно просил прощения у этого сурового сильного человека, молил Луга принять его душу в Счастливых долинах. Он не тянул – не хотел заставлять капрала мучиться лишними секундами ожидания гибели. Острый клинок перерубил шейные позвонки, голова Вартона подкатилась к телам зомби и остановилась, прижавшись ухом к земле, словно прислушиваясь к чему-то, слышному ей одной. Сид обессиленно уронил руки. В душе поселилась сосущая пустота.

– Беги, парень, – вдруг сказал Дайнус, повторяя последнее напутствие капрала Хелла.

Некоторое время новобранец бездумно таращился на мага.

– Беги, пока не поздно.

Его слова медленно проплывали сквозь пустоту, пробиваясь к разуму. Окончательно осознав сказанное, Сид вздрог-

нул, спросил:

– Почему?

– Эта битва уже проиграна. Если не уйдешь – станешь зомби в некромантской армии.

– Но…

– Это не предательство, это отступление. Уходи, пробивайся к своим. Ты еще повоюешь.

– А вы? – жалобно промямлил новобранец, с ужасом представляя одинокие блуждания по земле, занятой андастанцами. – Пойдемте вместе.

Дайнус грустно улыбнулся:

– Староват я для игры в прятки. И сердце у меня больное. Буду тебе обузой. Нет, иди один. Может, еще кто спасется.

– Но как же?..

Сид не договорил, зная, что волшебник поймет смысл вопроса. Ждал в ответ неизбежной просьбы, страшась ее, заранее понимая, что не может, не имеет права отказать.

– Нет, – успокаивающе ответил маг, – этого не нужно. Иди. Луг с тобой.

– Я… – Новобранец запнулся, мучительно подбирая нужные слова и не находя их.

– Уходи, пока они заняты другими. – Голос Дайнуса снова стал сердитым. – Быстро! Кру-у-угом! Шагом марш!

Сид, не ожидавший такого резкого перехода, неосознанно выполнил приказ. Пригнувшись, он потрусил к воде, оглядываясь по сторонам, прячась между завалами трупов, оги-

бая разрозненные затухающие схватки. Тиарин, родная река, каждый изгиб, каждую отмель которой он знал с детства, была его единственной надеждой на спасение.

Дайнус провожал его напряженным взглядом, облегченно выдохнув, лишь когда мальчишка добрался до воды. Вряд ли у него получится убежать, конечно. Хотя… он местный, возможно, и сумеет спастись в том мраке на земле, который скоро воцарится в Солнечном крае. Волшебник заранее сочувствовал Сиду, хорошо представляя, что ему предстоит увидеть и пережить. Но, будучи приверженцем новой научной школы, Дайнус твердо верил: человек должен бороться за существование. Парень молод, силен и неглуп. Так пусть сражается за себя, тем более что скоро обычные живые люди станут большой редкостью в этих краях. Дезертирство? Определение, не подходящее для данного случая. Остаться сейчас на поле боя – значит превратиться в зомби и пополнить армию Андастана.

Сам волшебник бороться за существование не собирался. Годы, болезни сделали его ленивым и неповоротливым. Он устал, очень устал от яркого бестолкового спектакля под названием жизнь. Он вынул из ножен меч, полагавшийся всякому ротному чародею. Дайнус и сам не помнил, когда в последний раз использовал оружие по прямому назначению. Обычно он срезал мечом лекарственные травы, чтобы приложить их к ранам солдат. Но после этого всегда тщательно чистил и точил клинок. «Вот и пригодился», – пробормотал

волшебник, подходя к мертвому воину.

Он успел обезглавить пятерых, когда увидел приближающегося всадника и приготовился встретить смерть во всеоружии. Остановив коня в десяти шагах, андастанец оценивающе оглядывал немолодого мужчину, прикидывая, стоит ли тратить время на поглощение его души. Но, очевидно почувствовав исходящие от Дайнуса магические эманации, подъехал поближе и вытянул руку, готовясь произнести молитву Исдес. Пожилой волшебник опередил некроманта – на его ладони вспыхнул крупный огненный шар. Всадник гортанно рассмеялся над наивностью галатца, надеющегося поразить обычным сгустком пламени его, шеймида великой андастанской армии, одного из лучших сынов высшего народа. Он даже опустил руки, собираясь досмотреть забавную сценку до конца. Дайнус в свою очередь тоже разглядывал этого молодого, широкоплечего мужчину со смуглым грубоватым лицом и блестящими черными глазами.

– Чего уставился, выворотень шакалий? Людей никогда не видел? – спокойно, почти ласково спросил маг.

Не поняв чужой речи, но уловив презрение в голосе странного старика, не испытывающего ни страха, ни трепета, некромант злобно оскалился и снова вскинул руки. Но Дайнус не собирался дарить ему свою душу. Поднеся ладонь к лицу, он прошептал заклинание. Яростно вспыхнув, огненный шар взлетел в воздух и обрушился на голову своего создателя, мгновенно превратив его в пылающий факел.

Напрасно шеймид выкрикивал молитву Исдес, испрашивая позволения на поглощение, напрасно повторял слова заклятия – изношенное сердце ротного волшебника не выдержало боли от ожогов и остановилось, освободив усталую душу от телесных оков. Выкрикнув проклятие грязному кьяфиру, избежавшему пленения, некромант развернул коня и отправился на поиски другой, менее изобретательной и дерзкой пищи.

* * *

Шумела под слабым теплым ветерком молодая нежная листва. Лунный свет серебрил верхушки деревьев, ложился жемчужными бликами на широкую тропу, по которой двигалась длинная кавалькада. Всадники, растянувшись цепью, пробирались через лес.

– Капрал Сторк, далеко еще до брода?

– Не больше трех майлов, господин полковник, – молодцевато отрапортовал ехавший первым молодой мужчина.

Сторк Велли знал эти места как свои пять пальцев. Мальчишкой он с друзьями облазал вдоль и поперек и этот лес, и оба берега Тиарин. Поэтому, когда полковник Лириан Йеншир спросил, есть ли среди кавалеристов уроженцы Солнечного края, способные перевести полк на восточный берег, капрал без колебаний сделал шаг вперед. Никто лучше его не сумел бы выполнить эту задачу.

Лес обрывался на пологом берегу, заканчиваясь плакучими ивами, полоскавшими в реке длинные ветви. Противоположный берег тоже был густо покрыт деревьями. Сторк выбрал именно этот, дальний брод, потому что перед ним Тиарин делала поворот, за которым с места сражения нельзя было разглядеть кавалерийский полк.

Русло Лозинки здесь было широким, а течение быстрым, поэтому человек неместный, не знающий капризов реки, никогда не подумал бы, что в этом месте может находиться брод. И даже далеко не все жители прибрежных деревень рисковали переходить Тиарин в этом месте, которое звалось Волосом демона. По преданию, Варрнавуш, желавший Солнечному краю гибели от засухи, взъярился, узнав, что слезы Ат-таны породили реку. Выйдя из мрака, он выдернул из бороды волос и швырнул его в воду, сотворив страшное колдовство, которое должно было сделать Тиарин орудием уничтожения южных земель. По замыслу Верховного демона, волос должен был стать высокой плотиной, река – выйти из берегов и затопить Солнечный край, превратив его в огромное озеро. Но жители Солнечного края вознесли горячую молитву матери всех богов, и она спасла людей от смерти. Спустившись в Амату с небес, добрейшая Ат-тана дунула на реку, и от ее благословенного дыхания колдовство Варрнавуша перестало действовать, а волос изогнулся под напором течения. Но богиня не захотела пачкать о него руки, и плотина, не успевшая вырасти до нужной высоты, так и оста-

лась под водой.

Вполне вероятно, что легенда была лишь выдумкой народа. Тем более что один известный демонолог в своей книге «Вся правда о мраке» приводил ее в пример как величайшую нелепость и утверждал, что у Варрнавуша нет бороды. Но обитатели прибрежных земель свято верили в правдивость этой истории. Так или иначе, но брод существовал. Он был узок, не более трех шагов в ширину, окружен глубокими воронками, извилист и коварен. Стоило только немного ошибиться с направлением – и смельчака, рискнувшего бросить вызов Волосу демона, подхватывало бурное течение, утягивало под воду, а потом, через несколько майлов, выбрасывало его изуродованное, побитое о камни, изъеденное рыбами тело.

Сторк не боялся этого места. Он вообще не боялся ничего. Этот светловолосый голубоглазый парень с простоватым широкоскулым лицом еще в детстве заслужил в родной деревне репутацию самого бедового сорванца. С возрастом его привычки не изменились, он лишь научился направлять свою любовь к риску на благое дело. Именно поэтому Сторк пошел служить в армию. Он всегда любил лошадей и потому выбрал кавалерию, где быстро дослужился до капрала, а его бесстрашие и лихость, граничащая с наглостью, вошли у воинов в поговорку.

Мягко тронув коня, Сторк собрался было направить его в воду. Но один из всадников, приблизившись, подал ему

небольшой флакончик.

– Возьмите, капрал. Вылейте в реку.

– Что это? – прищурился Сторк, недолюбливавший магию и любой волшбе предпочитавший добрый надежный клинок.

– Стабилизированное заклятие Тихих вод, закупоренное в склянку. Оно замедлит течение.

Кивнув, капрал принял пузырек и въехал в реку. Следом за ним, в точности повторяя его путь, двинулись остальные. Сторк ехал медленно, сдерживая коня, который, оказавшись по грудь в холодной воде, заметно нервничал. Достигнув середины Тиарин, капрал достал из кармана флакон, свернул восковую печать и вылил содержимое в воду. Растянувшаяся вокруг брода маслянистая пленка словно бы стянула реку, сделала ее поверхность гладкой и ровной, усмирив течение вокруг Волоса демона. Всадники благополучно перебрались на другой берег и скрылись под пологом леса.

Полковник Йеншир любил риск не меньше, чем капрал Велли. А главное, он умел рисковать. За это качество императрица и назначила его главнокомандующим войсками Солнечного края. Ее величество прекрасно понимала, что при огромном численном перевесе армии некромантов и выносливости их воинов выиграть сражение можно только чудом. А кто совершает на войне чудеса, как не умные, дерзкие, способные на оправданный риск люди?

Полк снова шел по лесной тропе. Время от времени полковник активировал связующий амулет, выслушивал докла-

ды капитана, командовавшего сражением на западном берегу, коротко бросал: «Ясно» – и отдавал новые приказы. Судя по его хмурому лицу, галатцам в бою приходилось туго.

Наконец между деревьями забрезжил просвет: впереди была опушка леса, заросшая густым низким кустарником. Кавалькада остановилась. В очередной раз выслушав рапорт капитана, полковник Йеншир помрачнел еще сильнее, достал из седельной сумки подзорную трубу – магическое устройство, снабженное увеличивающим экраном – миниатюрным и оттого слабеньким, покрывающим не более трех майлов. Долго наблюдал из-за деревьев за происходящим на восточном берегу.

Лагерь андастанцев был совсем рядом, примерно в майле к югу от леса. Полковник хорошо видел одетых в черное воинов, их коней, пасшихся неподалеку, пару простых походных шатров, перед которыми вился слабый дымок костра. В центре стоял роскошный паланкин, затянутый непроницаемой тканью, по обе стороны которого несли караул высокие могучие зомби. Вокруг стоянки замерла охрана – цепочка мертвецов, вдоль нее неторопливо прогуливались несколько некромантов. Медленно переводя трубу слева направо, полковник напряженно всматривался в смуглые лица. Мужчины и девушки, такие разные и вместе с тем похожие – все молодые, в одинаковых черных одеяниях. Человек, которого он искал, должен был выглядеть по-другому. И Йеншир продолжал изучать лагерь, снова и снова возвращаясь взгля-

дом к носилкам, словно надеялся, что рано или поздно магическое стекло позволит ему увидеть то, что скрыто за занавесями.

Полчаса спустя терпение полковника было вознаграждено. Тонкая штора откинулась, и из паланкина выбрался высокий худощавый человек в длинном халате из темной, затканной золотом парчи. При виде его все некроманты согнулись в низком поклоне. Что-то проговорив, мужчина со вкусом потянулся, прошелся по лагерю, потом вдруг остановился и пристально посмотрел в сторону леса, за которым скрывалась галатская кавалерия. Полковник почти физически ощутил на себе его взгляд, и на какое-то мгновение ему показалось: султан знает о том, что за ним наблюдают. Черные, как сердце мрака, глаза, ярко сверкавшие даже в темноте, словно не только видели Йеншира, но и проникали в самую его душу, поселяя там несвойственное воину чувство холодного суеверного ужаса.

– Вот ты какой, Ирияс, – почти беззвучно прошептал полковник, с трудом сдерживаясь, чтобы не зажмуриться.

Неожиданно на узком нервном лице султана расцвела нежнейшая улыбка, которая вряд ли могла быть вызвана радостью от созерцания угрюмой обветренной физиономии Йеншира. Не успел полковник подивиться такой метаморфозе, как Ирияс отвернулся и протянул ладонь к паланкину. Оттуда, опершись на любезно подставленную руку, выпорхнула женщина, до самых глаз закутанная в цветные шелка.

Судя по грациозной легкости движений, она была совсем молода. А выражение лица султана красноречиво говорило о том, что девушка еще и очень красива.

– Надо же, бабу свою приволок, – изумляясь наглости андастанского повелителя, пробурчал полковник. – Ну, значит…

Значит, его расчет был верен. Недаром Йеншир не только изучал стратегию и тактику, но и увлекался военной историей. А она гласила следующее: восточные владыки не любят скакать на лихом скакуне в авангарде своей армии. Парганский император может возглавлять войско, собственным примером вдохновляя солдат на сражение. Галатский монарх встанет на стены города, наравне со всеми защитниками отстаивая столицу. Султану же нет нужды рисковать собой. Восточный уклад жизни таков, что повелитель богоподобен в глазах подданных. Если же подданные с этим утверждением не согласны – их сажают на кол, дабы у остальных не оставалось никаких сомнений в величии властелина. Так было заведено многие тысячелетия, так есть и сейчас. Андастанских воинов не нужно вести в сражение, гибель за султана для них – счастье и единственное предназначение. Повелитель же спокойно, не без комфорта путешествует под охраной в арьергарде, командуя оттуда армией.

Единственным исключением из правила был Хармез Второй, который славился воинственностью и особой кровожадностью. Но, учитывая то, что легендарный султан погиб в

бою, вряд ли его потомки могли решиться последовать его примеру.

Именно из этих соображений Йеншир поручил командовать сражением у реки капитану Столлни, сам же во главе кавалерии двинулся в обход, зайдя в тыл противника. Здесь, в майле от Тиарин, должен был состояться решающий бой. Полковник собирался дождаться, когда некроманты снимутся с места, и ударить в хвост отряда. Главной целью был султан – его гибель решила бы исход начавшейся войны. Конечно, это был самоубийственный маневр. Но Йеншир отчетливо понимал: так или иначе его войска обречены – слишком велика армия Андастана, слишком могущественны ее маги. Так почему бы тем, кому нечего терять, не попытаться перетянуть удачу на свою сторону? Полковник умел рисковать.

Главным козырем была наглость, главной силой – двадцать лучших боевых магов, которых он лично отбирал, оставив до времени в резерве.

Скрываясь под защитой леса, галатцы ждали, когда некроманты отправятся к реке. Рапорты капитана Столлни становились все более неутешительными, и Йеншир уже подумывал о том, чтобы пересмотреть свой план и напасть на стоянку прямо сейчас. Но под утро действия андастанцев подтвердили его теорию: удача любит отчаянных. В лагере произошло движение. Вскоре воины вскочили на коней и поскакали в сторону Тиарин. Но паланкин Ирияса, охраняемый отрядом из двадцати некромантов и несколькими сотнями зом-

би, остался стоять на месте. Очевидно, султан желал явиться на землю врага абсолютным победителем, уже после сражения.

Подняв руку в жесте, призывающем к готовности, и вслушиваясь в затихающий топот коней, полковник отсчитывал мгновения. Маги, ехавшие в конце и середине кавалькады, плели заклятия. Рука Йеншира резко опустилась:

– Стройся!

Кавалерия выехала на опушку и построилась в двадцать рядов, открыто демонстрируя врагу свою численность. Некроманты не стали оседлывать коней. Рассредоточившись, они выдвинулись вперед, отправив навстречу галатцам всех зомби.

– Вперед!

Конница ринулась к лагерю. Пятнадцать волшебников скакали в середине построения, поддерживая над всадниками самый мощный магический щит, на который были способны. Остальные маги с десятком лучших арбалетчиков остались в лесу, дожидаясь своего часа.

– Лля-эрриа Исдис! – боевым кличем прозвучали молитвы шеймидов, когда половина расстояния была преодолена.

Покойники, повинуясь приказу некромантов, бросались под ноги лошадей, пытались уцепиться за сбрую и сбить верховых наземь. Но острые палаши вмиг сносили им головы. Кони, обезумев от запаха смерти, топтали зомби копытами. Галатцы стремительно приближались к лагерю, и, когда уже

казалось, что они на полном скаку сметут шеймидов, собьют с ног и, не останавливаясь, пронесутся по всей стоянке, первые ряды вдруг натолкнулись на невидимую преграду. Лошади грудью ударялись о магическую защиту, испуганно ржали, оглушенные болью, становились на дыбы. В тот же момент некроманты швырнули в людей свои заклятия. Их сила была так велика, что на близком расстоянии щит галатцев не выдержал и, вместо того чтобы остановить волшбу, лишь немного отклонил ее, замедлив движение. Колдовство достало десяток воинов, нанесло мощный удар, выбило из седла. С земли они встали уже лишенными души, не помнящими себя, покорными воле шеймидов тварями. Но в таком виде они просуществовали недолго: клинки товарищей избавили их от омерзительного посмертия.

Потеряв часть воинов и не сумев преодолеть защиту андастанцев, передний ряд развернул лошадей и отступил на фланги. А на лагерь уже летели новые всадники. На этот раз галатские маги ударили по некромантам чередой заклятий. Ни одно из них не достигло цели: огненные чары, мгновенно вспыхнув, истаивали в воздухе, водные растекались по прозрачной поверхности, словно струи дождя – по оконному стеклу. Волшба, напитанная темными силами, взвивалась вверх и, бешено вращаясь, кусками мрака растворялась в предрассветном небе. Щит шеймидов, как и вся их магия, берущая исток в культе Исдес, не поддавался никакому воздействию. Зато некроманты опять собрали богатую жатву,

поглотив еще два десятка душ. И опять оставшиеся в живых кавалеристы рассыпались в стороны, уступая место следующему ряду, и все началось сначала.

Полковника Йеншира, который находился довольно далеко от лагеря, чтобы не попасть под чары андастанцев, и командовал сражением, подавая сигналы в рожок, ничуть не смущала безуспешность баталии. Главные надежды он возлагал не на конницу, а на тех магов, которые продолжали прятаться в лесу.

Тем временем волшебники наблюдали за происходящим из-за деревьев, выжидая удобный момент, чтобы приступить к осуществлению второй части плана Йеншира, ради которой и была затеяна вся эта опасная эскапада.

– Может, уже пора? – нетерпеливо спросил молодой русоволосый мужчина, широким разворотом плеч и осанкой больше похожий на воина, нежели на чародея.

– Терпение, Корниус, – строго ответил невысокий, тщедушный человек средних лет – полковой маг Олиус Трай, принявший на себя командование отрядом волшебников.

Молодой досадливо отвернулся и продолжил всматриваться в разворачивающуюся вокруг лагеря баталию, хмурясь каждый раз, когда очередной всадник, пораженный некромантами, нелепо вскидывал руки и падал с коня. Настроение остальных чародеев тоже было далеко не радужным. Крепко сжатые кулаки, угрюмые лица, ненависть в глазах… Олиус понимал подчиненных и разделял их чувства.

Но он также осознавал: им будет дана всего одна попытка. Момент, в который они начнут действовать, нужно выбрать безошибочно.

Снова и снова нападали всадники на лагерь, ударялись о щиты, уходили на фланги, перегруппировывались и бросались в атаку. После каждого такого рейда с земли поднимались убитые некромантами воины, шли навстречу коннице, находя упокоение под копытами и клинками. Снова и снова маги бросали в андастанцев заклятия. С каждым потерянным воином слабела кавалерия, волшебники начинали уставать. Но, несмотря ни на что, галатцы упорно атаковали некромантов.

Этот бесконечный и на первый взгляд бессмысленный бой длился около часа. Из-за горизонта выглянуло солнце, озарив изрытое копытами поле, на котором тут и там лежали изрубленные, обезглавленные тела. Набеги на лагерь продолжались, шли непрекращающейся чередой. Летящие с обнаженными палашами всадники, кони, потерявшие седоков, распростертые на земле трупы, зомби, идущие навстречу галатцам, – все это слилось в одну сплошную, растянутую во времени картину, над которой реяли пронзительные молитвы некромантов, конское ржание и трели рожка.

С одной стороны, такое мельтешение занимало все внимание шеймидов. С другой – видя, что кавалерия не собирается менять тактику, андастанцы действовали почти механически, повторяя одни и те же заклятия, полностью сосре-

доточившись на поглощении душ. «Пора», – решил Олиус, подавая сигнал.

Оставив коней в лесу, прикрывшись отводящими чарами, волшебники выскользнули из леса и поодиночке, чтобы не привлекать внимания, окольными путями двинулись к лагерю. Корниус набросил волшбу на десятерых арбалетчиков. Его задачей было помочь воинам добраться до цели незамеченными. Половину пути они бежали, потом, когда стоянка уже была близко, опустились на землю и поползли по-пластунски. Чары чарами, но рисковать нельзя: вполне возможно, что на некромантов не действует заклятие отвода глаз.

Строго говоря, о возможностях андастанцев не было известно почти ничего. Сведения, данные магами Совета, содержали очень мало полезной информации. План операции полковник Йеншир и Олиус Трай разрабатывали почти вслепую, руководствуясь одной интуицией, особенно ту часть, которая касалась применения заклятий. А как раз она и была самой ответственной. Поэтому полковой чародей решил действовать наверняка, прибегнув к помощи волшбы, которая по определению не могла дать осечку. Правда, за всю историю Галатона это заклятие применялось так редко, что случаи его использования можно было пересчитать по пальцам. Не из-за сложности, а из-за некоторых побочных эффектов. Учитывая этот факт, Олиус предложил подчиненным тянуть жребий, но для порядка спросил, нет ли добровольцев: нужны были трое. Странно, но такие нашлись.

Корниус, люто ненавидевший любую магию смерти, тоже вызвался, но его кандидатуру отвергли. Молодому волшебнику, который и сам отлично владел арбалетом, было поручено командовать отрядом стрелков.

Подобравшись к лагерю на достаточно близкое расстояние и убедившись, что все воины рассредоточились неподалеку от него, Корниус спрятался за куст и замер в ожидании сигнала о начале магической атаки. Зная, что произойдет дальше, и кипя злобой на андастанцев, он несколько раз глубоко вздохнул, приказывая себе сосредоточиться. Вскоре в воздух взвилась яркая огненная змея, рассыпавшаяся синими искрами. Вслед за нею с земли поднялись три волшебника и, не таясь, шагнули к лагерю. Наперерез им, выкрикивая заклятия, бросились некроманты, из-за отводящих чар и горячки боя слишком поздно заметившие лазутчиков. Дальше все, казалось бы, пошло по уже известному сценарию: под заклятиями шеймидов галатцы, зашатавшись, медленно осели на землю. Но их тела так и остались неподвижными, не отозвавшись на слова подчинения. Волшебники были мертвы – бесповоротно, полностью, а души их отправились на суд Луга всеблагого. Заклятие Рассеивания, на несколько минут блокировавшее любые виды магии в радиусе фихта, требовало полной отдачи чародейской и жизненной энергии. Теперь вокруг паланкина не осталось ни некромантов, ни волшебников – были только воины, от умений которых зависел исход сражения.

К чести шеймидов надо сказать, что они кинулись на защиту султана. Но их попытка создать над паланкином магический щит провалилась: перед заклятием Рассеивания была бессильна даже волшба адептов Исдес.

По команде Корниуса отряд стрелков в несколько прыжков преодолел расстояние, отделявшее его от лагеря. Вместе с ними к стоянке прорвался и Олиус. Схватившись за мечи, андастанцы ринулись навстречу воинам, но, оказавшись в зоне действия Рассеивающих чар, лишились своей магии. Арбалеты дали залп: трое некромантов упали замертво. Остальные были вынуждены выскочить из зачарованного пятачка и повернуться навстречу кавалерийской атаке: воспользовавшись замешательством в лагере противника, галатцы едва не прорвали оборону шеймидов. Олиус прыгнул вслед некромантам и швырнул одному из них в спину заклятие Ледяного клинка. Он точно уловил момент, когда колдун еще не успел накрыться чарами, но уже был доступен воздействию магии. Шеймид, дернувшись, сделал по инерции еще несколько шагов и упал замертво. Остальные некроманты обрушили на Олиуса шквал заклятий, разнесших его тело на мелкие куски. Когда андастанцы отвлеклись, волшебники нанесли мощнейший удар по их защите, пробив в ней брешь. Казалось, еще чуть-чуть – и всадники сомнут лагерь некромантов. Но те, вовремя спохватившись, отбили атаку и восстановили щит.

Оказавшись с отрядом в центре стоянки, Корниус вски-

нул арбалет и выстрелил: болт пробил тонкую ткань султанского паланкина. Следом раздались еще десять щелчков пусковых устройств. Вскоре носилки были буквально нашпигованы болтами, но из их изрешеченного нутра не донеслось ни крика боли, ни стона. Переглянувшись, воины осторожно подошли к паланкину, наставив на него арбалеты. Сделав знак товарищам, Корниус вытащил из ножен меч, клинком отодвинул штору и, пораженный увиденным, невольно отпрянул назад.

Человек, сидевший внутри, был цел и невредим. Более того, он приветственно кивнул нападающим, растянув тонкие губы в светской улыбке, странно диссонировавшей с непроглядной чернотой прищуренных глаз. К его коленям испуганно жалась хрупкая женщина, лицо которой было прикрыто шелковым платком. Левой рукой Ирияс успокаивающе гладил блестящие косы жены, правую держал на весу, словно предлагая незваным гостям полюбоваться лежащим на ладони предметом. Это была пирамида из прозрачного стекла, внутри которой лежал бордовый камень величиной с кулак взрослого мужчины. Утренние лучи, причудливо преломляясь в его бесчисленных гранях, отражаясь от их поверхности, создавали вокруг пирамиды кровавый нимб. Но даже это нестерпимое сияние не могло скрыть живших в камне черных теней. Извиваясь, они скользили в его глубинах, казавшихся бесконечными, словно жирные пиявки в багровом пруду.

– Айна Исдис, – нарочито любезно пояснил султан. – Айна Исдис, кьяфир![1]

Воины ответили ему новыми выстрелами. Болты, влетев в паланкин, осыпались дождем серебристой пыли. Повелитель Андастана укоризненно-насмешливо пощелкал языком.

Корниус выругался сквозь зубы. Вот почему Ирияс был так беспечен, оставив при себе столь малочисленную охрану! Под защитой такого мощного артефакта, не потерявшего силы под Рассеивающими чарами, султан был бы в безопасности, даже приди ему фантазия отправить прочь всех шеймидов.

То, ради чего затевалась вся эта баталия, не осуществилось. Полковник Йеншир рискнул и проиграл. Не желая сдаваться, Корниус хищно осклабился, указал на свой клинок и пальцем поманил Ирияса.

– Йокхи, кьяфир![2] – расхохотался султан.

Маг демонстративно плюнул на землю перед паланкином:

– Трус. Трус и слабак…

Неизвестно, понял ли Ирияс его слова, но, бережно передав артефакт жене, султан стремительным движением выдернул из золоченых ножен острую кривую саблю и прыгнул навстречу пятерым воинам. Лицо его при этом не выражало ни гнева, ни ярости из-за нанесенного оскорбления. Он продолжал безмятежно улыбаться.

---

[1] Око Исдес, неверный!

[2] Нет, неверный!

Корниус, не ожидавший от Ирияса такого безрассудства, едва успел парировать мощный удар, нанесенный сверху вниз. Султан разразился серией молниеносных выпадов, заставляя отступать волшебника, явно уступавшего ему в искусстве фехтования. Чародей неловко уклонился от очередной атаки, и остро заточенное лезвие сабли чиркнуло по левой стороне головы, аккуратно срезав ухо. Корниус вскрикнул от резкой боли, султан вторил ему издевательским гортанным смехом.

Остальные воины, не собиравшиеся демонстрировать великодушие и ожидать в стороне, чем закончится поединок, зарядили арбалеты и выстрелили. И вдруг что-то неуловимо изменилось. Сначала Корниус даже не понял, что именно: боль заглушала все остальные чувства. Но в момент выстрела Ирияс вытянул левую руку вперед, и болты, изменив траекторию, вонзились в землю. К некромантам вернулись их магические способности. Рассеивающие чары, которые должны были блокировать волшбу не меньше десяти минут, сдерживали адептов Исдес от силы половину этого времени. Могущественный колдун, Ирияс раньше всех ощутил изменение эманаций, поняв, что проклятый дар богини снова защищает его. Потому и позволил себе небольшое развлечение, вступив в поединок, исход которого был заранее ему известен.

Ирияс не стал выкрикивать молитву Исдес, как это делали шеймиды. Он прошептал ее слова тихо, вкрадчиво, и

тьма, наполнявшая его глаза, выплеснулась наружу, потекла в сознание людей, путая мысли, захлестывая души ледяным страхом. Забавляясь, султан не торопился убивать своих недавних противников. Он едва прикоснулся к их разуму, выжигая память, гордость, способность к сопротивлению. Воины бессильно уронили руки, повинуясь жестокой судьбе, покорно ожидая решающего удара безжалостной некромантской волшбы. Лишь Корниус нашел в себе силы, чтобы вырваться из этого чудовищного морока. Уже не надеясь выжить, он хотел хотя бы умереть достойно, не превращаясь в тупое жертвенное животное. «Я не сдамся, я не сдамся…» – бесконечно повторял он, стараясь не глядеть в глаза султана и противясь враждебной воле, которая пыталась захватить его сущность. Стоило Ириясу чуть увеличить напор волшбы, и сознание молодого мага сломалось бы, оставшись сгустком инстинктов в опустевшей оболочке тела. Но воздействие вдруг прекратилось, на крошечное мгновение подарив чувство победы и легкости.

– Лий'як шуджаа, кьяфир[3], – тихо произнес бархатный голос, заставивший Корниуса поднять взгляд на султана. – Укхаадий'ру шуджаак[4].

Тьма, недавно разливавшаяся вокруг Ирияса, вернулась в его глаза и забурлила в расширенных зрачках. Некоторое время султан внимательно рассматривал лицо стоявшего пе-

---

[3] Ты смел, неверный.

[4] Я ценю твою смелость.

ред ним волшебника, одновременно чутко вслушиваясь в звуки битвы, потом произнес:

– Акх'даак маути хьяфиф, – и пояснил на чистом галатском: – Я подарю тебе легкую смерть.

Всего одно слово, произнесенное шепотом, резко сжавшиеся в кулак тонкие пальцы – и Корниус рухнул под ноги андастанского властелина. Ирияс не обманул: его колдовство остановило сердце мага так стремительно, что тот даже не успел почувствовать ни боли, ни страха смерти. Но вскоре галатец, вернее, теперь уже носферату с его обликом поднялся и застыл подле своего нового господина. Султан не оставил его душу на свободе – так далеко благородные намерения Солнцеподобного не распространялись.

Поглотив души десятерых арбалетчиков, Ирияс вернулся в паланкин, к Роксане. Рассеянно лаская испуганную девушку, он погрузился в глубокие раздумья. Отчаянная попытка галатцев лишить его жизни, одним махом прекратив войну, не то чтобы напугала султана – он был уверен в своих силах, но заставила посмотреть на противников по-иному. Их упрямство, бесстрашие, граничащее с безрассудством, нежелание сдаваться вызывали у Солнцеподобного если не уважение – уважать низших невозможно по определению, – то нечто похожее на это чувство. Приходилось признать: эти звери умеют кусаться и царапаться, а жизни в рабстве предпочитают смерть в бою. С такими животными нужны предельные осторожность и жесткость.

Меж тем сражение подходило к концу. Галатцев оставалось все меньше, их волшебники, исчерпавшие в драке магические резервы, с каждой минутой становились слабее. Напротив, каждая смерть делала шеймидов сильнее, каждая плененная душа наполняла их мощью, отдавая свою энергию. Теперь уже любой из них одним заклятием мог уничтожить не менее пятерых противников. Словно сказочные вампиры, напившиеся чужой крови, некроманты поглощали души и крепли, упиваясь переполнявшей их силой. Вскоре щиты галатцев пали, маги, растратившие свою энергию, больше не могли творить заклятия. Всадники бились о защиту шеймидов, не в состоянии преодолеть ее, становились беззащитными мишенями для колдовства Исдес.

Полковник Йеншир, наблюдавший за битвой со стороны, активировал связующий амулет. Миссия провалилась. Он рискнул и проиграл. Нужно командовать отступление, сохранить хоть часть полка.

– Столлни, ответьте. Как обстановка?

– Все кончено, – раздался из амулета каркающий голос капитана. – Мы по…

Его речь оборвалась на полуслове, перейдя в протяжный стон. Амулет замолк. Западный берег Тиарин захвачен некромантами, которые скоро, как чума, пойдут по всему Солнечному краю, заражая, убивая, оставляя пустыми благодатные земли. Даже если скомандовать отступление и уйти под прикрытие леса, до замка галатцы добраться не успе-

ют – путь им перекроет войско не-мертвых. Отступать было некуда. Йеншир небрежно сунул в карман ставший бесполезным кусок черного дерева и, оголив палаш, поскакал к своему полку.

Спустя час все было кончено. В этом сражении погиб весь полк, андастанцы потеряли всего четверых. Галатцев, убитых и обращенных в носферату в начале битвы, изрубили их же товарищи. Те невезучие, которые дошли до конца сражения, пополнили не-мертвую армию Ирияса. Но шеймиды пленили не всех, оставив самые лакомые кусочки для своего повелителя.

Они продержались дольше всех – Сторк, творивший чудеса вольтижировки и умудрявшийся уклоняться от некромантских заклятий, еще пятеро солдат-кавалеристов, два опытных пожилых мага и полковник Йеншир. Всех их словно веревками опутали какой-то волшбой, подтащили к паланкину и поставили перед султаном. Воины-некроманты кольцом окружили носилки, ожидая расправы над кьяфирами – Солнцеподобный редко баловал подданных демонстрацией своих сил, и каждое такое событие становилось почти праздником.

Отчетливо осознавая, что сейчас умрет, но почему-то не чувствуя страха, Сторк исподлобья рассматривал шеймидов. Люди как люди, внешне ничем не отличаются от галатцев – только все как один очень смуглые и черноволосые. И еще глаза… Да не только в них дело! Красивые молодые лица,

обращенные к Ириясу, сияли обожанием и счастьем от созерцания великого вождя. Но при взгляде на пленных врагов лица искажались ненавистью, презрением, омерзением, и эти чувства были такими яркими, такими всепоглощающими, что становилось понятно: андастанцы видят перед собой не людей. Галатцы для них – отвратительные, грязные животные, низшие существа, которые должны быть уничтожены. И не найдется в душах шеймидов ни капли жалости.

И эти монстры скоро двинутся в глубь Солнечного края, убивая, выжигая, уродуя… Сторк вознес горячую молитву Лугу, прося у него защиты для матери и младшего братишки Сида, которые остались в Подпалине. Что сказал бы бравый капрал, узнай он: Сид, вдохновленный его примером, завербовался в пехоту? Что в эту минуту он, убежав с поля своего первого боя, плывет вниз по течению Тиарин? Проклял бы дезертира перед смертью? Вряд ли. Скорее всего, приказал бы отправляться в гарнизон – последний имперский оплот в провинции. Но разумеется, Сторк ничего такого не узнал, а потому просто мысленно простился с родными.

Ирияс мог бы убить галатцев одним мановением руки, но предпочел растянуть удовольствие и устроить зрелище для подданных, уничтожая воинов поодиночке и для каждого применяя новое заклятие. Одного утопил в потоке холодной воды, а потом заморозил, превратив в ледяную статую, другого сшиб мощным ударом ветра, так что тело его отнесло на три майла, и потом носферату еще долго добирался до сво-

его господина, третьего подвесил в воздухе, заставив нелепо дергаться, подобно огромной марионетке. И медленно тянул из них души, смакуя, словно драгоценное вино. Каждую смерть шеймиды встречали восторженными воплями. Когда пришел черед полковника Йеншира, султан вышел из паланкина, встал напротив, долго смотрел в глаза воина, потом произнес:

– Миик даха'ам, – и сделал знак одному из шеймидов.

– Ты храбрец, – с акцентом перевел тот.

Ирияс, за свою долгую жизнь выучивший множество языков, знал галатский в совершенстве. Но считал неправильным в присутствии подданных осквернять уста примитивным наречием низших тварей. Называя при шеймидах храбрецом представителя презренного народа, он оказывал ему высшую честь. Но полковник, не разбиравшийся в тонкостях восточного этикета, зато любивший рискованные выходки, не проникся величием момента: ухмыльнувшись как можно гадостнее и старательно отхаркнувшись, он плюнул в лицо Солнцеподобному.

Конечно, смачный комок слюны не достиг полубожественного лика, разбившись о невидимый щит. Но возымел нужное действие. Ирияс, взбешенный уже вторым плевком за один день, убил Йеншира мгновенно. Та же участь постигла и последнего воина, которым оказался Сторк.

* * *

В стрельчатое незанавешенное окно заглядывал унылый месяц, ронял голубоватые лучи на большую карту Срединного континента, расстеленную на круглом столе. Тускловатый свет висящих на стенах слабеньких вечных свечей не мог развеять этого потустороннего сияния.

– Надо направить навстречу андастанской армии все силы, – горячо доказывал герцог Вельмизир, главнокомандующий армией Галатона. Полное бледное лицо его, несмотря на царившую в здании ратуши прохладу, покрывали капельки пота, жидкие седые волосы прилипли ко лбу. – Остановить любой ценой. Не допустить продвижения врага в глубь наших территорий!

– О каких силах вы говорите, хотел бы я знать? – покручивая черный ус, вот уже в третий раз скептически осведомился лорд Стаун, полковник имперских гвардейцев. – Наша армия малочисленна, уровень подготовки боевых магов оставляет желать много лучшего. Собственных резервов явно не хватит.

– А некромантское-то войско, задери их Хайнира… простите, ваше величество, все многочисленнее делается, – крякнул дядя Ге.

– Вот именно поэтому! Именно! – нервно выкрикнул герцог Вельмизир. – Поэтому и надо остановить, пока не позд-

но…

Поведение фельдмаршала, да и весь его внешний вид, не вызывали у меня доверия. Похоже, Галатону пришло время расплатиться за благоденствие Алмазного века и беспечность предыдущих правителей. Пятьсот лет без войн на территории империи сделали свое дело: даже главнокомандующий был скорее чиновником, нежели солдатом. А вообще мне он напоминал дебелую истеричную бабу. С того самого момента, как ее величество вызвала герцога к себе в числе других высоких чинов, он не сказал еще ничего, что хотя бы приблизительно можно было считать планом военной кампании. К сожалению, императрица, заменившая весь состав кабинета министров, просто не успела провести такую же полную реформу в армии. Потом же, после разрушения Виндора и нападения некромантов, снова было не до того. Приходилось действовать стремительно, едва ли не по наитию. Но и тогда от фельдмаршала не было никакого толку.

Видимо, Дарианна разделяла мое мнение. Кликушество Вельмизира заставляло ее брезгливо морщиться. Час назад полковник Йеншир, связавшись через амулет с ее величеством, доложил, что его войска терпят поражение при Тиарин. Некроманты вторглись в Галатон.

Императрица собрала срочное совещание. Бледная, осунувшаяся, не спавшая вот уже трое суток, Дарианна тем не менее была полна энергии. Глаза горели решительным, почти фанатичным блеском.

– Лорд Зелиан, я освобождаю вас от обязанностей главнокомандующего и принимаю командование армией на себя, – спокойно произнесла она.

Мне показалось, что эту весть герцог Вельмизирский воспринял едва ли не с облегчением. Отдуваясь, он поклонился и спешно покинул кабинет.

– Вадиус, как движется выселение из Солнечного, Озерного и Речного краев? – спросила Дарианна.

Копыл, как следует не оправившийся после своего самоубийственного астрального путешествия по Виндору, еще более скособоченный, чем обычно, но все такой же деятельный, сидел напротив девушки. Время от времени связующий амулет на его груди дрожал, распространяя синеватое свечение, маг выходил за дверь, с кем-то разговаривал и снова возвращался. На вопрос Дарианны он с готовностью проскрипел:

– Губернаторы оповещены. Крестьяне неохотно покидают насиженные места. Но с населением ведется разъяснительная работа…

– Некогда разъяснять, – перебила Дарианна. – Подготовьте указ и свяжитесь с губернаторами: пусть подключают имперских псов. Те, кто откажется уйти, будут приравнены к военным преступникам и казнены как предатели империи. Жителям Солнечного края на сборы два часа, остальным – сутки.

– Позвольте сказать, ваше величество, – снова вмешался

мой опекун. – Не дело это – мирных людей преступниками объявлять.

– Мастер Генериус, у меня нет времени на сантименты!

– Так-то оно так… да ведь крестьяне – народ упрямый. А что за землю держатся, так она их кормилица. Куда крестьянин без земли? Будете их силой сгонять – уйдут, но ведь вы, ваше величество, в их глазах чуть ли не врагом сделаетесь. А надо – чтоб роднее матери были.

Дарианна упрямо тряхнула головой, глубоко вздохнула и только после этого проговорила:

– Да. Да. Вы, конечно, правы, мастер Генериус. Отправить распоряжение губернаторам с тем, чтобы передали всем бургомистрам и старостам. Пусть объясняют, что некроманты превращают мужчин в зомби, а детей и женщин убивают. Ответственность за работу с населением возложить на местные власти.

– Ваше величество, – мягко произнес Копыл, – в годы тяжких испытаний монархи обращаются к своим подданным с речью.

– Разумеется. Я сегодня же напишу речь, которая будет передана по связующим амулетам губернаторам. Пусть распространят и читают на площадях.

Секретарь застрочил пером по пергаменту.

– И еще, ваше величество, – не успокаивался дядя Ге. – Война сама себя не кормит. Армии нужно продовольствие. Весна ведь…

– Я вас поняла, – нетерпеливо перебила императрица. Некоторое время она смотрела на карту, потом добавила: – Пусть переселенцы отправляются в Лесной край. Вадиус, сообщите губернатору. Дать крестьянам земельные наделы, освободить от налогов и по возможности помочь с обустройством. Это что касается женщин, детей и стариков. Мужчинам от двадцати до сорока пяти надлежит явиться в ближайшие военные гарнизоны для записи в ополчение. Организовать для новобранцев временные лагеря, выделить командиров для обучения.

Лорд Стаун нахмурился:

– От двадцати до сорока пяти?..

– Да, герцог Дрингстаар, именно. Вы же слышали: кто-то должен остаться на земле, чтобы сеять и пахать… И вот еще что. Мастер Генериус, я так понимаю, наших некромантов допрашивать бесполезно. Но насколько я знаю, вы все же пытались изучить их возможности.

– И не только пытался. Кое-какие выводы сделал, – подтвердил старик.

– Каким образом происходит превращение людей в зомби?

– Наблюдал я пару раз за ребятами, – кивнул дядюшка. – И понял, что наиболее опасные зомби получаются, когда некромант сам у человека жизнь отбирает.

– Носферату, – подсказал я.

– Точно, носферату.

– Но насколько мне известно, существует еще способ, которым пользуются обычные демонологи, – поднятие мертвецов?

– Это так, – подтвердил Вадиус. – В общем-то для сильного мага это нетрудно.

– Значит, надо лишить андастанцев и этого резерва. Необходимо уничтожить все кладбища. Выжечь, залить растворяющими зельями, сровнять с землей… вам виднее. Граф Ортекс, поручаю разработку этой операции вам. Когда придумаете, как это сделать, необходимо будет связаться с городскими и сельскими магами. Только пусть займутся этим после ухода жителей. Нельзя допустить народного возмущения.

Бывший милорд ректор магического университета, а ныне член Совета молча поклонился.

– Андастан не получит новых воинов, – заключила императрица. – Что у нас с оружием?

– Оружейные пока полны, – доложил министр обороны. – Но на всех ополченцев, разумеется, не хватит.

Это было еще одной головной болью. Ремесленные кварталы сильно пострадали во время первого нападения тварей бездны. Лишь немногие кузнецы и оружейники сумели восстановить свои мастерские. Наша же схватка с Вериллием разрушила Оружейный квартал полностью. Улица Мастеров, на которой селились гномы, тоже лежала в руинах, никто из ее обитателей не выжил. Дело осложнялось еще и тем, что с

гибелью Аллирила исчез единственный торговый тракт, связывающий Галатон с Золотой цепью – поставщиком лучшего оружия и доспеха.

– Лорд Лейтон, – обратилась Дарианна к министру обороны, – отчеты о состоянии оружейных сегодня же должны быть у меня на столе. Сообщить в западные и северо-западные провинции: государство делает заказ оружейникам на мечи, болты и доспех. Платить будем из казны. Мастера из переселенцев освобождаются от воинской обязанности и направляются в Красную рощу. Можете идти.

Министр обороны откланялся и удалился. Императрица обернулась к мастеру Триммлеру, которому не хватило места за столом. Гном скромно устроился в углу на низком стуле и откровенно тосковал без дела.

– Мастер Триммлер, вам поручается разыскать уцелевших оружейников и кузнецов и в кратчайшие сроки построить для них мастерские в Красной роще. Я назначаю вас своим официальным уполномоченным. Соответствующие бумаги вам будут выданы прямо сейчас, деньги получите в казне.

Сын гор, осчастливленный тем, что нашлось достойное приложение для его кипучей энергии, с готовностью вскочил:

– Разрешите выполнять, ваше величество? – Дождавшись, когда измученный секретарь подал Дарианне свиток, на котором она поставила подпись, гном выхватил бумагу и побежал к двери, на ходу бормоча себе под нос: – Ничего, спра-

вимся! А глядишь, и еще чем потом подмогнем…

– Мастер Генериус, как продвигается изготовление самовоспламеняющихся болтов и стрел? – спросила императрица.

– Всех свободных чародеев, кто способен их намагичивать, засадил за работу. Только вот самих болванок не хватает. Ну да теперь, когда мастер Триммлер за дело взялся, думаю, проблема решится.

– Нужно наладить бесперебойные поставки в войска, – произнесла Дарианна. – Теперь, собственно, о стратегии…

Все склонились над картой.

Глубокой ночью план сражений был выработан. Императрица отпустила офицеров, в числе которых был и Лютый. Маги Совета, министры и дядюшка, получив распоряжения, тоже отправились восвояси. В круглой комнате остались только мы с Дарианной и Копыл. Теперь, когда больше не нужно было демонстрировать собранность и уверенность, девушка откинулась на жесткую спинку стула и утомленно прикрыла глаза. Стали заметны и усталость, и тщательно скрываемый страх: длинные ресницы беспомощно подрагивали, уголки губ предательски ползли вниз, тонкие пальцы нервно теребили ворот простого платья из серой шерсти.

– Я настаиваю, ваше величество, – проговорил Копыл, снова поднимая тему, которая уже не раз обсуждалась. – Вы должны подумать о своей безопасности. Увы, Велена погибла под завалом, а Нивель пропала без вести.

– Хорошо, Вадиус, – вздохнула Дарианна, открывая глаза. – Займитесь поиском. Но позже. Сейчас главное – Журжень.

– Наши послы в Асине только что сообщили, что император Юлан Цин отказался их принять. Но он готов побеседовать лично с вашим величеством, – сообщил старик.

– С помощью связующего амулета?

– Нет, главный советник Юлан Цина, мудрец Сао Ли, откроет астральное окно ровно на час.

Астральное окно? Никогда не слышал о таком. Волшебники, владеющие тонкой магией, способны отправлять свои астральные проекции на довольно большие расстояния. Говорят, для самых сильных чародеев не существует майлов и фихтов. Правда, сам я еще не пробовал путешествовать так далеко. Но название «астральное окно» предполагало, что мудрец умеет передавать не только свою проекцию, но и фантомы других людей, а может, и окружающего их пространства. Уточнять у Копыла подробности было некогда, тем более что на вопрос Дарианны о времени переговоров старый маг ответил:

– Астральное окно откроется через полтора часа, ваше величество. Вам следует поторопиться.

– Поторопиться? – удивился я. – Да она еще и вздремнуть успеет.

Две пары глаз – маленькие, выцветшие, неопределенного цвета и огромные, сияющие, словно черные бриллианты, –

воззрились на меня с одинаковым осуждением. Я махнул рукой: никак не могу привыкнуть к дворцовым тонкостям. Дарианна быстро удалилась, а Вадиус пояснил:

– В Журжени принято, чтобы правящая династия утопала в роскоши. Это считается как минимум признаком хорошего тона. Император – наместник бога на земле и символ государства. Одетый в золото и усыпанный драгоценностями, он воплощает благополучие своей страны.

– Мои познания о Журжени оставляют желать лучшего, – признался я.

– Неудивительно, ваше высокомагичество, – тактично согласился Копыл. – Журжень так же закрыта от внешнего мира, как и Андастан. Последние два века династия Цин проводит так называемую политику Большой стены, изолируя свою страну от других государств. Сто лет назад даже торговля с Журженью была невозможна. Сейчас галатских купцов принимает лишь один порт – Камао. Там наши торговцы закупают чай, шелка, специи, прекрасный фарфор. Но Юлан наложил запрет для журженьцев на покупки у нас, поэтому за их товары приходится платить только золотом и серебром. Дипломатические отношения с этой страной были установлены пятьдесят лет назад. Тогда было открыто посольство Галатона в столице империи – Асин. Но до сих пор функции наших послов являлись скорее декоративными и сводились к присутствию на официальных торжествах во дворце Юлана. В общем, повторюсь, Журжень – очень и очень загадоч-

ная, закрытая империя.

– Тогда почему Дарианна собирается просить помощи в первую очередь именно у этой страны?

– В древнейшей истории есть упоминание о войне между Андастаном и Журженью. Это было… – Копыл ненадолго задумался, – наверное, пять тысяч лет назад. Как вы понимаете, события тех дней дошли до нас в виде летописей и легенд, и трудно ручаться за их подлинность. И тем не менее в одном из древних трактатов говорится, что андастанские некроманты завоевали весь Срединный континент. Земли, на которых сейчас находятся Галатон и Паргания, превратились в обиталище мертвых. Спаслись только жители прибрежных районов, рискнувшие на весельных лодках выйти в Океан слез. Впрочем, выбор у них был небогат: утонуть либо стать носферату. Многие предпочли смерть в пучине и тем самым выиграли жизнь. И вот, когда вокруг уже не осталось людей, андастанцы напали на Журжень. Это стало началом конца некромантской цивилизации. Журженьские волшебники, обладавшие уникальными магическими техниками, сумели выиграть войну. Мы надеемся, что знания об этих чарах мудрецы империи сохранили до наших дней.

– А что же галатцы и парганцы?

– Строго говоря, это были еще не галатцы и не парганцы, а их предки. Кто-то добрался, как ни странно, до побережья Южного континента, кто-то нашел новый дом на Пламенеющих островах. Некоторые даже отправились к Север-

ному континенту. Выжившие в этих дальних путешествиях оседали в необитаемых краях, строили поселения либо искали аборигенов и присоединялись к ним. Женились, заводили детей. А потом, спустя сотни лет, их потомки стали возвращаться на родину дедов и прадедов, снова заселять пустующие земли.

– Почему же Журжень не сделала такие огромные территории частью своей империи?

– Видимо, тогда империя еще в них не нуждалась. Чего не скажешь о нынешних днях…

– Вадиус, а эльфы?

– Что – эльфы?

– Ну эльфов некроманты тоже захватили?

Копыл фыркнул:

– Да уж, очаровательные были бы зомби! Трактат об этом умалчивает. Но я считаю, вряд ли. Первозданные – не такой многочисленный и уж точно не беззащитный народ. Ради их душ некроманты не стали бы блуждать по Аллирилу, вылавливая эльфов под деревьями. Скорее всего, и в горы Золотой цепи, к гномам, они тоже не полезли. Очень уж труднопроходимая местность.

Я кивнул. Да, в запутанных многоярусных шахтах Золотой цепи, уходящих в глубь земных недр на десятки майлов, могла бы заблудиться не только армия некромантов, но, пожалуй, и весь Андастан.

– Орки?

– В трактате речь идет об уничтожении только людей, – вздохнул Вадиус. – Кстати, думаю, что многие из наших предков спасались не только за океаном, но и во владениях других рас. Иначе чем объяснить, что люди, изображенные на старинных гравюрах, иной раз излишне светлоглазы и остроухи либо удивительно малорослы и коротконоги?

Пока Вадиус читал мне импровизированную лекцию по древнейшей истории, скромный кабинет бургомистра чудесным образом преобразился. Слуги Дарианны, прибывшие в Красную рощу вслед за императрицей, задрапировали каменные стены полосами сияющего шелка. На стол легла лазурная эмиратская парча, поверх нее были водружены золотые, инкрустированные драгоценными камнями чаши и кувшины. Расторопные юноши и девушки устелили пол пушистыми коврами, расставили по углам золотые канделябры в человеческий рост, воткнули в них яркие вечные свечи. Под конец лакеи внесли малый трон из черного дерева, подлокотники которого были отделаны чеканным серебром. Содержимое вывезенной из Виндора императорской сокровищницы пришлось очень кстати. Все вокруг заиграло разноцветными бликами.

Слуги не забыли и о нас с Копылом. На меня натянули новый балахон из белоснежного шелка, сверху повесили огромный, усыпанный рубинами платиновый медальон на толстой цепи. Украшение было таким тяжелым, что тут же принялось натирать шею. Вадиуса обрядили в фиолетовую

мантию и тоже украсили какими-то побрякушками, отчего старик стал напоминать сказочного триуна.

Когда все приготовления были завершены, в кабинет вошла Дарианна. Вернее, два дюжих лакея ввели ее под руки и усадили на трон – без их помощи девушка в таком одеянии не сумела бы сделать и шага. На императрице поверх простого белого платья было надето нечто невообразимое, варварски роскошное. Эта длинная, волочившаяся по полу штука напоминала кольчугу, только была сработана из золотых и платиновых колец, каждое соединение которых украшал крупный сапфир. На голове Дарианны вместо обычного тонкого императорского венца высилось сооружение из тех же сапфиров, обрамлявших черный бриллиант величиной с голубиное яйцо, уши отягощали огромные бриллианты чистой воды, такие же сверкали на пальцах и запястьях.

– Большой выходной наряд моей прабабушки, милый, – пояснила девушка, заметив мой оторопевший взгляд. – Положение обязывает…

– Сейчас откроется астральное окно, – взглянув на напольные часы, сказал Копыл.

Как только старик это проговорил, дальняя стена вдруг покрылась рябью, поплыла, и вскоре вместо нее перед нами образовалось волнующееся сероватое пространство. Оно начало заполняться неясными силуэтами, постепенно обретавшими очертания и краски. Спустя несколько минут перед нами появился зал, вернее, его часть. Но и взгляда на нее мне

хватило, чтобы убедиться в правоте слов Вадиуса о вызывающем богатстве журженьской правящей династии. Потому что я увидел только золото. Оно было повсюду: на стенах, на полу, на драпировках окна. Вдали виднелся золотой же фонтан, из которого били переливающиеся струи. Возможно, из-за отраженного сверкания мне показалось, что это не вода, а расплавленное золото. Посреди зала стоял сияющий трон, на котором восседал черноволосый человек в просторных одеждах из желтого шелка. Торжественная неподвижность императора вкупе с желтоватой кожей круглого лица делали его похожим на золотого идола, помещенного в шкатулку с драгоценностями. Диссонанс в эту картину вносили еще двое мужчин, находившихся рядом с Юланом. По левую руку от него стоял невысокий худощавый юноша в ярко-красных шелках, по правую – бритоголовый седобородый старик в синих – как я понял, тот самый мудрец, открывший астральное окно.

Кивнув, старик плавно провел ладонью перед собой, и картина ожила. Зал наполнился звуками – тихой плавной музыкой, журчанием фонтана и сладкоголосым пением какой-то птицы.

– Великий сын неба, император поднебесной вселенной, наместник богов Юлан Цин, правительница Галатона Дарианна Первая приветствует тебя, – сделав шаг вперед и с трудом согнувшись в низком поклоне, проговорил Вадиус.

Человек на троне не пошевелился, вместо него ответил

старик, отвесивший такой же поклон:

– Великий сын неба, император поднебесной вселенной, наместник богов Юлан Цин также приветствует правительницу Галатона Дарианну Первую.

Сао Ли говорил по-галатски довольно чисто, лишь слегка пришептывая и смягчая, как-то скругляя звуки, отчего у него выходило: «Далианна Пелвая». Когда мудрец поклонился, выяснилось, что не вся его голова была выбрита: на затылке имелись волосы, сплетенные в тугую, длинную тонкую косу, которая плетью перекинулась через лысину.

– Правительница Галатона Дарианна Первая приветствует светлоликого принца Чжу Цина – сына великого сына неба… – зачастил Вадиус, так и не разогнувшись.

Сао Ли не сдал позиций и в таком же положении прошепелявил ответ.

Теперь мне стал понятен смысл выражения «журженьские церемонии». Обмен любезностями длился не менее получаса, и я начал опасаться, что встреча на этом и завершится, когда Сао Ли наконец выпрямился и произнес:

– Император Юлан Цин желает знать, что заставило Дарианну Первую искать разговора с ним.

Копыл, облегченно вздохнув, тоже принял вертикальное положение, умудрившись при этом не закряхтеть, и сделал шаг назад в знак того, что теперь будет говорить Дарианна.

– Не стану скрывать, моя страна находится в бедственном положении, – произнесла девушка.

– Да, мы наслышаны о войне Галатона с Андастаном, – сказал император, после того как мудрец перевел ему слова Дарианны.

Я понял ответ Юлана прежде, чем Сао Ли повторил его по-галатски. Осознавая, что способности изначального могут помочь мне узнать что-нибудь полезное, например, в том случае, если император с мудрецом вдруг решат переброситься парой фраз на родном языке, я сделал вид, что внимательно слушаю старика. Но его раскосые глаза подозрительно блеснули.

– Я предлагаю заключить союз между нашими государствами, – прямо заявила Дарианна.

Тонкие брови на плоском невозмутимом лице Юлана приподнялись в картинном изумлении:

– Но зачем этот союз Журжени? На нас никто не нападал.

– Это лишь вопрос времени, – парировала ее величество.

Прежде чем заговорить, император переглянулся с Сао Ли:

– Андастан предложил Журжени нейтралитет. Почему я рассказываю об этом? Что лучше: объединиться с тигром и попытаться вместе уничтожить дракона либо спокойно дожидаться в стороне, когда дракон пожрет тигра?

– Вскоре после того, как дракон пожрет тигра, ему понадобится новая пища, – мягко улыбнувшись, проговорила Дарианна.

– Возможно, да. А возможно, и нет. Что лучше: ввязаться

в драку с драконом сейчас или дождаться его нападения?

– Кровь тигра сделает дракона в два раза сильнее, и тогда неизвестно, чем закончится поединок.

– Может быть. Но это еще неизвестно. Что выгоднее: дружба с тигром или мирное соседство с драконом?

– Дракон – беспокойный сосед. А тигр умеет быть благодарным.

Сао Ли перевел последние слова Дарианны, но Юлан молчал, ожидая, что именно предложит ему правительница Галатона.

– Мы знаем о том, что боги благословили ваш народ, и численность его все время увеличивается. Журжени нужны новые земли. За помощь в этой войне мы готовы после победы отдать империи край Водопадов.

Император молчал.

– Это большая и богатая провинция.

Молчание. Лишь короткие взгляды, которыми обменялись Юлан и Сао Ли. Дарианна и Копыл тоже посмотрели друг на друга, и старик кивнул.

– Край Водопадов и Солнечный край, – проговорила ее величество.

Ответа не последовало.

– Эти две провинции и десять сундуков золота.

Наконец император соизволил ответить.

– Нам не нужны ни твои земли, ни золото, – перевел Сао Ли.

– Значит, вы отказываетесь заключить союз с Галатоном?

– Мы должны подумать, правительница.

– Сколько времени вам нужно для раздумья? – напрямую спросила Дарианна.

– Мы дадим знать. И еще – в следующий раз мы не желаем беседовать в присутствии твоего младшего мудреца. У него лукавые глаза.

Интересно, что фразу про мудреца (то бишь вашего покорного слугу) император не говорил. Старик добавил ее от себя, очевидно догадавшись, что я понимаю журженьскую речь. Произнеся нечто вроде пожеланий благополучия и счастья, Сао Ли изящно крутанул пальцами, и астральное окно закрылось, оставив нас в недоумении.

– Неужели им не нужны земли, Вадиус? – в отчаянии воскликнула Дарианна.

– Не знаю, ваше величество. Но им явно что-то нужно.

– Что же?

– Надо ждать. Журженьцы ничего никогда не говорят напрямую. Уж такой это народ…

– Но мы не можем ждать! У нас нет на это времени.

Словно в подтверждение ее слов, я ощутил пульсацию под тяжеленным медальоном. Откинув белую хламиду, извлек и активировал связующий амулет.

– Ваше высокомагичество, – проговорил далекий голос, – докладывает граф Стивен Сайонс, полномочный посол Галатона в Паргании. Война, ваше высокомагичество! Орки Ди-

ких степей нарушили парганскую границу.

– Значит, и на помощь Паргании рассчитывать не приходится, – упавшим голосом проговорила Дарианна. – Похоже, мы остались одни…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.